

Татьяна Опарина

УКРАИНСКИЕ КАЗАКИ В РОССИИ: ЕДИНОВЕРЦЫ ИЛИ ИНОВЕРЦЫ?

(Микита Маркушевский против Леонтия Плещеева)*

Конец XVI–XVII вв. ознаменовался драматическими событиями в судьбах православных церквей Речи Посполитой и Московского царства. Произшедшее на рубеже веков оказало существенное воздействие на внутреннюю историю киевской митрополии и московской патриархии, и, кроме того, на характер взаимоотношений двух единоверных славянских кафедр. С одной стороны, определяющим стал факт заключения в 1596 г. Брестской унии, прекратившей (до 1620 г.) существование православной церкви (но не православия) в Речи Посполитой. С другой — период так называемого Смутного времени в России, быстрой смены царей и патриархов, гражданской войны и внешней интервенции. Хотя московская церковь продолжала существовать на протяжении всего этого бурного отрезка времени, после восстановления стабильности в государстве, современники заговорили о попытках лжецарей и лже-патриарха, пришедших из Речи Посполитой, уничтожить православную церковь в Московском государстве, заменить ее католической, или же распространить Брестскую унию на Святую Русь.

Помимо Брестской унии, еще одним фактором, формирующим систему оценок, стало участие украинских казаков в событиях Смутного времени. На территории России начала XVII в. находилось значительное число запорожских и волостных казаков, «черкас» в терминологии русских делопроизводственных документов того времени. По наблюдениям исследователей, казаки Речи Посполитой, объединившись с донскими казаками, стали одной из главных движущих сил гражданской войны и интервенции¹. О разрушительных последствиях присутствия казаков на русских территориях устойчиво говорили все русские документы.

Прояснить позицию русских властей, а также элиты русского общества, к вероисповеданию «черкас» позволяет следственное дело между украинским казаком, принявшим русское подданство, и представителем не родовитого, но очень влиятельного дворянского клана: спор между «выезжим черкашенином» (иногда «белорусцем»), о чем подробнее ниже) Микитой Тимофеевым сыном Маркушевским (Муркушевским)² и Леонтием Степановичем Плещеевым. Документ сохранился среди материалов о креще-

* Автор приносит глубокую благодарность А. Сокирко, И. О. Тюменцеву и М. Яременко, оказавших огромную помощь в работе.

¹ Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. — Л., 1985; Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе эпох. — М., 1990; Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. — Волгоград, 1999.

² Следует учитывать, что в русских документах передавалась русифицированная форма имени, состоящая из имени человека и имени его отца. Фамилия чаще всего опускалась. В такой версии — Микита Тимофеев назван среди лиц, вышедших из войск Владислава (Документи Російських архівів з історії України. — Львів, 1998. — Т. 1. Документи до історії козацтва 1613–1620 рр. — № 128. — С. 183 (РГАДА. — Ф. 210, оп. 14, стб. 2. — Л. 84). Соединить Микиту Тимофеева этого документа с участником следственного дела (РГАДА. — Ф. 210 (Разрядный Приказ), оп. 13 (Приказный стол), стб. 7. — Л. 275–280) помогает совпадение дат — «выезд» 1 ноября 1618 г. Следует учитывать, что переход на русскую сторону в этот день был единственным. В следственном деле он так же назван Микитой Тимофеевым, однако, в своей челобитной, он, следуя традиции Речи Посполитой, указал и фамилию — Микита Тимофеев сын Маркушевский. В рукописном Постановлении собора 1620 г. (РГБ. — Собр. Троице-Сергиева монастыря, № 741. — Л. 97) он назван как Микита Маркушевский или Муркушевский. Узнать этого человека в соборном деянии помогает, помимо совпадения имени и фамилии, указание на следствие, проведенное крутицким митрополитом Ионой. Очевидно, в каждом случае речь идет об одном и том же человеке.

нии 1619–1620 гг.³ Очевидно, разбирательство отражает типичную ситуацию последствий казацких погромов начала века. Спор начал иммигрант, настаивая на возвращении жены, сестры Леонтия Плещеева, укрывшейся у брата. В ходе следствия он поведал историю своего брака, как и перипетии пребывания в России.

Первой датой он называет примерно 1611 г. Не ясно, что он делал до этого и когда впервые оказался в России. Можно лишь отметить, что крупное казацкое войско из 20 тысяч человек привел с собой из Речи Посполитой Лжедмитрий I⁴, после гибели которого казаки не вернулись в Запорожскую Сечь, но продолжали противодействовать правительственным отрядам, теперь уже Василия Шуйского, в войсках Лжепетра и Ивана Болотникова, а затем Лжедмитрия II⁵.

В Тушинском лагере, в котором гетманом был полковник М. Меховецкий, насчитывалось примерно 13 тысяч украинских казаков, возглавляемых полковниками Кернозицким, Лисом, Носом⁶ и др. Отряды Лжедмитрия II в 1608 г. разбили войска Василия Шуйского и начали осаду Троице-Сергиева монастыря. Можно отметить, что во время вылазок на неприятеля 24 февраля 1608 г. защитниками обители был схвачен некий «пан Маркушевский» (а 8 марта — «пан Маковский»). «Языки» поведали монастырской братии и светским участникам обороны о продвижении правительственных войск⁷. Можно лишь предполагать, являлся ли монастырский пленник и выходец из

войск Владислава 1618 г. одним лицом. Был ли (или стал) «пан Маркушевский» «черкашенином», отпущенным на свободу после крестного целования и примкнувший к казакам (если документы говорят об одном персонаже), или это два человека с разной судьбой и социальным статусом, ответить определенно невозможно.

В том же 1608 г. казаки из Тушинского лагеря продвигались к Устюжне и Белоозеру. Во время приступов казацких станиц на Устюжну жители города обращались с гимном к Богу о спасении от нашествия поляков и казаков⁸. В конце 1608 г. на отошедшие от Лжедмитрия II Ярославль, Кострому, Галич две тысячи запорожцев водил знаменитый Александр Лисовский.

Тем временем в лагере Лжедмитрия II гетманом стал князь Роман Ружинский (Рожинский). Согласно исследованиям Н. Яковенко, по вероисповеданию князь был униатом, в молодости выступавшим ярым защитником православия, но затем перешедшим в первоначально гонимую им церковь. Он был ранен в битве 1610 г. с войсками Василия Шуйского под Москвой, отвезен для лечения в захваченный казаками Иосифо-Волоколамский монастырь, где и скончался. После гибели его тело было перевезено в Киев и погребено в киевском Доминиканском монастыре⁹.

Русские духовные власти стремились консолидировать силы для борьбы с украинскими казаками. Патриарх Гермоген призывал в грамотах противодействовать этим

³ РГАДА. — Ф. 210 (Разрядный Приказ), оп. 13 (Приказной стол), стб. 7. — Л. 275–280.

⁴ Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба... — С. 230–234; Ульяновский В. И. Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории и источниковедения. — К., 1993. — Ч. 1. — С. 86. Авраамий Палицын в «Сказании об осаде Троице-Сергиева монастыря» характеризует возведение на престол Лжедмитрия I следующим образом: «Врази же, возведеша его казаки, таковаа творима видяще, веселяхуса о погибели христианстей» (Сказание Авраамия Палицына / Подг. текста О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. — М.; Л., 1955. — С. 113).

⁵ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. — С. 25; Яворницький Д. І. Історія запорізьких козаків. — Львів, 1991. — Т. 2. — С. 119; Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия. — С. 310.

⁶ В конце 90-х гг. XVI в. известен донской атаман Ворон Нос (Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. — М., 1995. — С. 78); в 1613 г. — низовой донской атаман И. Нос, направивший послание царю Михаилу Федоровичу (Прошштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. — Ростов-на-Дону, 1983. — С. 67). Другое упоминание источников о человеке с подобной фамилией представлено в дневниках Яна Спегги. В них указан «Нос, товарищ в роте М. Вилямовского в сапезинском войске, зачинщик расправы над пахоликами. Осужден за это 19 августа 1609 г (Hirschberg A. Dziennik J. Sapiegi // Polska a Moskwa. — Lwów, 1901. Запись 19.08.1609 г. Сведения указаны И. О. Тюменцевым.)

⁷ Горский А. Историческое описание свято Троицкого Сергиева монастыря. — Ч. 1.

⁸ Яворницький Д. І. Історія запорізьких козаків. — Т. 2. — С. 121. Во Владимире крайнюю жестокость проявлял старшина Андрей Наливайко, сажавший помещиков на кол и уводивший в плен множество женщин и детей. Его зверства вызвали гнев Лжедмитрия II: «А мы (Лжедмитрий II) того вора Наливайку за то его воровство велели казнить... чтобы такие воры Нашей отчизны не дустопшили и крестьянской истинной православной хрестьянские крови не проливали» (Тушинский вор: личность, окружение, время. Документы и материалы. — М., 2001. — С. 350; АИ. — Т. 3. — № 130). В конечном счете, бесчинства Наливайко привели к тому, что он был казнен самими тушинцами (Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия... — С. 356–357).

⁹ Яковенко Н. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. — К., 2002. — С. 17–18, 28.

«губителям христианским», «отступившим от Бога и от православные веры»¹⁰. Но и в Речи Посполитой звучали голоса тех, кто предостерегал от противоборства православных с православными. Во всяком случае, именно так воспринял король Сигизмунд III публикацию полемического «Фриноса» Мелетия Смотрицкого в 1610 г., в момент выступления королевских войск на Россию. Но, судя по всему, предполагаемого королем и, очевидно, автором¹¹, эффекта не последовало. С одной стороны, значительное число православных подданных Речи Посполитой активно поддержало войну с Московским государством. С другой — не известна степень знакомства русских читателей с сочинением. До настоящего времени не сохранилось русских копий и переводов издания, известий о присутствии его в составе русских библиотек. Наиболее вероятно, «Фринос» не получил распространения в России и говорить о широком резонансе памятника в Московском царстве невозможно.

Микита Маркушевский, безусловно, не разделял взглядов Мелетия Смотрицкого и был в числе тех, кого бичевал глава русской церкви. Судя по его поступкам, он более придерживался «желнерской веры»¹² и не видел конфессионального конфликта в войне с православными. В ходе следствия Микита Маркушевский указал на участие в грабежах под руководством полковника Носа в окрестностях р. Чаты Новгородского уезда. Русское население в панике уходило от разбоев, прежде всего — помещики¹³. Отряд, в котором находился (или который возглавлял) Микита Маркушевский, настиг на дороге семью Плещеевых, пытавшихся спастись от казаков бегством к Устюжне. Леонтий Плещеев годом раньше был схвачен сторонниками Лжедмитрия II и с лета 1609 г. находился в тушинском плену¹⁴. Не исключено, что там он мог пересекаться с Микитой Маркушевским. В то же время, после пленения Леонтия Плещеева, его семья — вдо-

ва-мать Мария, брат Тимофей и сестра Анастасия, очевидно, бежали из нестабильной столицы в провинцию, в прожиточное поместье под Новгородом. Но укрыться вдали от боевых действий им не удалось. Район Новгорода, Белоозера, Устюжны оказался в эпицентре казацкого мятежа (а также шведских захватов). Отряд Плещеевых, состоящий из дворовой челяди и возглавляемый Тимофеем Плещеевым, был не в силах противостоять казацкому нападению. Брат, бросившийся на защиту матери и сестры, был убит, вдова брошена на дороге, а девушка стала военным трофеем Микиты Маркушевского.

Безусловно, это был не единичный случай казацких разбоев. Новгородские власти, оценивая казацкие погромы в челобитной московскому правительству, сопоставляли их с иноверными. Они писали, что казаки «чинили насильство и беды такие, чего и бесермены не чинят»¹⁵.

Микита же, умыкнув дворянку, через какое-то время возвращается с ней в Киев. Не исключено, что он примкнул к войскам Петра Сагайдачного, появившегося в России в 1613 г., предпринявшего осаду Калуги, Вязьмы и Дорогобужа, а затем ушедшего в Речь Посполитую. По замечанию современников, «много по пути зла сделал, пролив кровь христианскую»¹⁶. В 1613–1616 гг. Петр Сагайдачный осуществил серию победоносных походов в Крым. Не ясно, участвовал ли в них Микита.

Единственное, он объяснял, что женился в Киеве на прихваченной из России девушке. Пограбив православное население северных регионов России, он мог предстать благочестивым христианином в Киеве. Венчание, по его словам, осуществил Никольский священник Леонтий. В Киеве этого периода находилось три православных и один униатский Никольские монастыри, а, кроме того, — одна униатская церковь св. Николы Десятинного (до 1633 г.)¹⁷ и четыре православные Никольские церкви: Иордан-

¹⁰ Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. — М., 1959. — С. 196–197.

¹¹ Томсон Ф. Мелетий Смотрицкий и уния с Римом // 400 лет Брестской церковной унии (1596–1996). Критическая переоценка. — М., 1998. — С. 181. Исследователь видит в сочинении «призыв не выступать против своих единоверцев в Московии, которые могут принести рутенам религиозную свободу». См. также: Frick D. Meletij Smotryc'ky. — Cambridge (Mass), 1995. — P. 118–157, 206–266.

¹² Яковенко Н. Паралельний світ. — С. 192–208.

¹³ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. — С. 27.

¹⁴ Сведения указаны И. О. Тюменцевым.

¹⁵ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. — С. 116.

¹⁶ Яворницький Д. І. Історія запорізьких козаків. — Т. 2. — С. 124.

¹⁷ Пам'ятки. — Т. 3. Архів Української Церкви. — Вип. 3. Документи до історії унії на Волині і Київщині кінця XVI — першої половини XVII ст. / Упорядник Довбищенко М. В. — К., 2001. — С. 408–410. Однако священника с именем Леонтий в церкви св. Николая Десятинного не указано.

ская (закрепленная за Кирилловским монастырем); Притиская; Набережная; Добро-Николаевская¹⁸. Ни в одной из них священник по имени Леонтий не упоминался.

Невозможно с точностью говорить о конфессиональной принадлежности Микиты. В сохранившихся документах Микита Маркушевский (как и почти все новообращенные) не назван по вероисповеданию. Но следует отметить, что в этот период казаки начинают активные действия против распространения униатской церкви в Киеве. Именно на силу Войска Запорожского возлагали надежды гонимые сторонники православия. В 1610 г. бургомистр и православное духовенство Киева обратились за помощью к запорожскому гетману Григорию Тискиновичу. Они поведали о попытках игумена униатского Выдубецкого монастыря, являвшегося наместником («официалом») униатского митрополита Ипатия Потия Антония Грековича перевести соборный храм св. Софии Киевской под управление униатской церкви. В ответ на полученные от них известия, гетман направил гневное послание киевскому подвоеводе Холоневскому. Он предупредил о своей готовности отстаивать православие до конца своей жизни («казаки за церкву свою Східню і за віру грецьку готові голови покласти»), а также прийти со своими отрядами из Сечи в Киев и убить «того офіціала Грековича якъ пса, гдѣ колвекъ здыбавши»¹⁹. Гетман выполнил свое жесткое обещание. В январе 1618 г. казаки учинили расправу над Антонием Грековичем — его «под лед посадили воды пити»²⁰. Запорожцы декларировали безусловную поддержку православного духовенства Речи Посполитой: «Будучи сынами той же соборной апостольской восточной церкви... мы вместе с народом этой православной веры, религии исконной, хотим стоять при духовных лицах, которые не отступили и не отреклись ее, и от нападающих на нашу исконную

православную религию головами своими ее защищать»²¹.

Убив во имя православия униатского наместника в Киеве, казаки готовы были еще раз искать трофеев и добычи — «военного счастья» в единой России. Новое активное участие украинских казаков в судьбах Московского государства связано с военной кампанией принца Владислава. Принц, которому в 1610 г. присягнули жители Москвы, стремился оружием вернуть московский престол. Сейм 1616 г. дал согласие на выступление. Но надежды на стремительный победоносный бросок и захват столицы с ее казной не оправдались. В результате финансовых затруднений принц не смог оплатить жалованье войскам, наемные отряды начали покидать войско, и Владислав с небольшой армией оказался в центре чужой страны. Выход был найден в Войске Запорожском²². Осенью 1618 г. запорожский гетман Петр Сагайдачный выступил на помощь с двадцатитысячным войском²³. Микита Маркушевский находился среди многочисленных украинских казаков, которые поддержали завоевания. Он входил в полк Милостивого (Милостного)²⁴, «Поенкову» сотню.

Став участником военной кампании принца Владислава, он, очевидно, вновь вел себя в полном соответствии с кодексом чести наемника. Военные действия полка Милостивого отразились в русских сочинениях. В частности, взгляд русского духовенства на нападение полка на город Михайлов (Рязанского уезда) представлен в городском летописце в «Повести о преславном чудеси». В сочинении схватка с казаками рисовалась как апокалиптическое столкновение сторонников истинной веры и посланцев сатаны. Военные действия Сигизмунда III трактовались в нем как попытки «Московское государство поглотити... а веру православную искоренити и превратити в свою латынскую веру». Орудием в этих замыслах короля

¹⁸ Петров Н. И. Историко-топографические очерки древняго Киева. — К., 1897. Ни в одной из этих Никольских церквей имя священника Леонтия не упоминается.

¹⁹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссіею. — СПб., 1865. — Т. II. — С. 66.

²⁰ Власовський І. Нарис історії української православної церкви. — К., 1998. — Т. 2. — С. 29.

²¹ Грушевський М. С. Історія України-Руси. — Т. 7. — С. 394.

²² Антонович В. Б., Бец В. А. Исторические деятели Юго-Западной России. — К., 1883. — С. 4.

²³ Tyszkowski K. Kozaczyzna w wojnach moskiewskich Zygmunta III (1605–1618). — Warszawa, 1935; Станиславский А. Л. Источники о русском походе П. К. Сагайдачного 1618–1619 гг. в московских архивах // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского. — М., 1991. — С. 16–17.

²⁴ О полке Милостного в составе войска гетмана Петра Сагайдачного 1618 г. см. также дела о выездах казаков из войска Сагайдачного в Калугу. (Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 145. — С. 196, 320).

виделся «всепагубный враг Сагайдачный». Он с «вои» бросился «на Христово стадо», в Ельце и Ливнах «монастыри и церкви Божии расхитиша и огнем сожгоша». «Но еще злочестивии крови христианския не насытишася», и «свое сомнище сатанино» — полк Милостивого из тысячи казаков — отправил на приступ Михайлова. Однако, Бог «не даша конечному православным христианом потреблению быти, ожидая грешных покаяния». После первого приступа «полковник Милостивой отъиде от града с великим страхом». Узнав о неудавшейся осаде, сам гетман «в гневе» приходит к городу. В схватках с ним «мнози за веру животы свои положиша». Сохранение города от «запорог» объясняется заступничеством небесных сил. Перед каждым приступом происходило чудо — явления Богоматери, святителя Николая. Чудесные видения давали горожанам знать, что святые помогают им в неравном противостоянии. Жители совершали постоянные молебны, собрав иконы, обходили с крестным ходом оборонительные укрепления. В понимании автора повести Бог и святые оберегали город от захватчиков, и, услышав мольбы его гонимых избранников, Господь спас «богохранимый град Михайлов»²⁵.

Спасение города — неудача казаков не изменило движение армии Петра Сагайдачного. Гетман направил казацкие отряды к Москве для соединения с войском принца Владислава. Запорожское войско, в том числе полк Милостивого, 17 сентября прибыло в село Бронницы Коломенского уезда. Чуть позже казаки переместились в окрестности Донского монастыря. С 1 октября объединенными усилиями польской регулярной армии, западных наемников и запорожских отрядов было осуществлено несколько при-

ступов на Москву. Однако овладеть столицей принцу так и не удалось. Когда провал операции стал ясен, под давлением целого комплекса обстоятельств²⁶ Владислав 27 октября начал постепенное отступление от Москвы по направлению к Троице-Сергиеву монастырю. Гетман, не рассчитывая на продолжение военных действий под Москвой, ушел под Калугу, в окрестностях которой расположил свои войска.

На исходе военной кампании казачий лагерь покинули Микита Маркушевский и его жена. Очевидно, как только Петром Сагайдачным было принято решение об отводе войск из-под Москвы и при отсутствии полковника Милостивого (отправленного на переговоры), был осуществлен побег. Анастасия оказалась у Тверских ворот Москвы 29 октября 1618 г., через два дня, 1 ноября вышел на русскую сторону Микита Маркушевский. Позже в Москве, в Разрядном приказе он подтвердил стольнику Семену Прозоровскому, что побегал 1 ноября 1618 г. «ис полку [Милостивого] от Москвы за 7 верст»²⁷. Таким образом, на этот раз он не захотел вернуться в Киев, предпочтя остаться в России.

Он числится среди других «черкас», написавших челобитную о «выходе» на «государево имя», при этом он возглавил список перебежчиков, будучи первым. Массовые переходы из войск Сагайдачного начались спустя почти два месяца — 26 декабря 1618 г. Можно отметить, что переход был далеко не безопасным, казаки нередко жестоко наказывали беглецов²⁸.

Микита Маркушевский был принят русской стороной, 1 же ноября ему выдали жалованье «на корм и на лошадей» 20 денег²⁹. Вероятно, после крестного целования он получил распоряжение от властей: «От-

²⁵ Киевская старина. — 1885. — № 12. — С. 684–689. Не только в литературных произведениях запорожцы рисовались разрушителями православия. Военное противостояние с казаками трактовалось конфессиональным конфликтом и в правительственных документах. Разница состояла в том, что в царских грамотах победа, помимо Божественного участия, объяснялась «царским счастьем». В грамоте 1618 г. Михаила Федоровича белоозерским воеводам говорилось: «По селке литовского королевича пришли в наше государство запорожские черкасы и сентября в 26 день шли те черкасы в сход х королевичу в Тушино мимо Москвы. И бояре наши, и воеводы с ратными людьми, прося у Бога милости и у Пречистые Богородицы помощи, на тех черкас ходили. И Божиею милостию и Пречистые Богородицы помощью и заступлением и всех святых молитвами, а нашим царским счастьем, черкас многих побии.» (Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 129. — С. 185).

²⁶ Во время похода произошло сразу несколько событий, требующих непосредственного военного участия Речи Посполитой: чешское восстание против государства Габсбургов, союзника Польши и выступление Османских войск к молдавско-польской границе. Вследствие внутренних и внешних проблем сейм настаивал на быстрейшем заключении мирного договора с Россией.

²⁷ РГАДА. — Ф. 210, оп. 13, стб. 7. — Л. 276.

²⁸ Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 153. — С. 223: «и у русских казаков де...учала бытъ дума, хотели отъехать на государево имя...и...черкасы учили.их сечь и посекали де, казаков человек с трипцать».

²⁹ «По приказу думного дьяка Сыдавнова-Васильева дати черкашину на платье два рубли»: Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 128. — С. 183 (РГАДА. — Ф. 210, оп. 14, стб. 2. — Л. 84).

пущен с листом к черкасом для³⁰ полоненников»³¹. Войска Сагайдачного захватили огромное количество русских пленников. Правительственные грамоты фиксировали: «языки и выходцы в роспросе сказывали, что с черкасы большая половина русских людей, полонеников, мужиков и женок и девок. И шли-де с ними меж их черкасских полков русские люди, мужики и робята и жонки и девки, верхи на шесть полков...и у них многие ранены и больны и голод де у них великой и наги»³². Возможно, Микита по указанию властей был отправлен в войско Сагайдачного для обсуждения каких-то вопросов освобождения пленных.

Вероятно, Микита Маркушевский выполнил и другое поручение. Согласно документу, он пришел в лагерь Сагайдачного «с вестями про турецких людей, что они литовские города поимали и литовские города побили и меж них война»³³. Таким образом, Микита Маркушевский передал казакам известия о нападении крымских татар и готовящейся войне в Молдавии Речи Посполитой с Османской империей. Распространение русскими властями информации о военной ситуации на родине, о необходимости возвращения в Речь Посполитую для борьбы с Османской империей, служило цели удаления казаков с территории Московского царства.

В то время, когда полки Сагайдачного отходили под Калугу, Владислав отвел отряды к селу Рогачево, недалеко от которого, в местечке Деулино (под Троице-Сергиевым монастырем) 1 декабря было подписано выгодное для польской стороны перемирие между Московским государством и Речью Посполитой.

В период переговоров Петр Сагайдачный настаивал на продолжении военной кампании³⁴. До русского правительства до-

ходили противоречивые известия. Было не ясно, хотел ли Петр Сагайдачный остаться для помощи Владиславу, для самостоятельного грабежа или же для перехода на русскую службу. Русским властям доносили, что гетман отправил к принцу Владиславу казака Путивльца с советом не выходить из пределов Московского царства: «черкасы, Сагайдачный с товарищи, прислали к королевичу казака..., чтоб им из Московской земли вон не ходить, да и донцы с королевичем ссылаются, все хотят ему служить»³⁵. Согласно же другим зафиксированным русскими властями слухам, все казацкое войско планировало принять русское подданство, а донские казаки — вернуться. Однако появившийся эмиссар польского лагеря Л. Пивов сообщил, что «бутто на Москве их братью казнят и в тюрьму сажают, которые выедут из Литвы. И они де за тем ко государю к Москве не поехали»³⁶. Кроме того, поступала информация, что казаки, так и не получившие от принца Владислава жалованье, рассчитывали компенсировать потери за счет нападения на русские города³⁷.

В любом случае, русские власти были крайне встревожены возможным длительным присутствием украинских казаков на территории Московского царства. Польская сторона, деятельно противящаяся возможным контактам украинских казаков с русским правительством, умело использовала угрозу как средство давления во время Деулинских переговоров. Польские послы запугивали перспективой продолжения гражданской войны и появления среди казаков новых претендентов на Московский трон. Александр Гонсевский предупреждал: «Хотя мы помирились, из вашей земли и выйдем, но ваши казаки инога вора добудут, к нему наши воры пристанут»³⁸. Польские послы первоначально отказывались обеспе-

³⁰ Пропуск текста.

³¹ Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 128. — С. 183 (РГАДА. — Ф. 210, оп. 14, стб. 2. — Л. 85).

³² Царская грамота в Белозерск сентября 1618 г.: Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. — С. 192; Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 129. — С. 185 (РГБ. — Ф. 343, колл. актов П. П. Шибанова, карт. 1, № 4).

³³ Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 128. — С. 183 (РГАДА. — Ф. 210, оп. 14, стб. 2. — Л. 85).

³⁴ Яворницький Д. І. Історія запорізьких козаків. — Т. 2. — С. 124.

³⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — М., 1990. — Т. 9. — С. 110.

³⁶ Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 136. — С. 189.

³⁷ Там же. — № 138: «А в роспросех сказывали языки и выходцы, что королевич и гетман Хоткеев черкасом грошей не дали и черкасы из нашего государства идти не хотят, а хотят стоять под нашими городами и хотят приходиться к городом изгоном и оманом» (С. 191). См. также: № 139 и № 132 «ис-под Москвы от королевича пошли черкасы, а приходиться, де, им под государевы города войною и изгоном и воевать Ярославской и Вологодской уезды.» (Там же. — С. 187).

³⁸ Соловьев С. М. История России... — Т. 9. — С. 109.

чить отход полка С. Чаплинского («лисовчиков») и войска Сагайдачного. Затем польская сторона согласилась вывести «лисовчиков», но не гарантировала выход полков Петра Сагайдачного³⁹.

Тем не менее, польские власти приняли усилия по отводу казацких отрядов. Полковник Милостивый 16 декабря 1618 г. привез из Деулина от принца Владислава «листы» гетману, информировавшие о подписании перемирия и рекомендуящие «испод Калуги со всем войском идти в Запороги тотчас»⁴⁰. Кроме того, казакам было обещано отдать жалованье в Киеве⁴¹. Под Калугой 22 декабря 1618 г. был собран круг, на котором большинством казаков было принято решение о возвращении и освобождении калужских пленников: «приговорили в раде у Саадачново идти из Калуги в Литву в Киев всем черкасом...да в Калуге же де у Саадашново приговорили в раде, которые калужские всякие жилецкие люди были у них взяты в полон, и тех де полоненников приговорили они отпущать всех»⁴². Гетман Сагайдачный приказал войскам отходить в Речь Посполитую, перед этим отпустив 2000 русского полона. В тот же день он отправился на южные границы России, через которые увел казаков (включая полк Милостивого, а также присоединившихся к нему донских казаков⁴³) в Киев.⁴⁴ Таким образом, в 1618 г. ситуация разрешилась достаточно благополучно для Московского царства и основные отряды Сагайдачного покинули русские земли.

По возвращении Петр Сагайдачный не вернулся в Сечь, а остался в Киеве, приняв титул гетмана территорий Речи Посполитой, находящихся под казацким управлением. Он активно включился в польско-османскую

войну, захватив город Варну; а чуть позже повернул войска против Крымского ханства и осуществил удачные набеги под Перекоп.

Следует отметить, что возвращение войск Петра Сагайдачного из России в Речь Посполитую сопровождалось массовым исходом. В момент поражения польских войск начался бунт и переход казаков на русскую сторону. Часть из них отказалась повиноваться гетману и отделилась от основного отряда. Оставшиеся под Калугой казаки сформировали полк и 23 декабря выбрали на круге нового руководителя. Полковником стал бывший сотник Ждан Конша (Коншин). До этого момента он служил в полку своего брата полковника Конши Коншина⁴⁵.

Самое главное, что глава мятежного полка не планировал продолжение самовольных погромов, чего так боялись русские власти. Казаки, настаивавшие на продолжении присутствия в России, остались не в качестве грабителей, а в качестве русских служилых людей. Ждан Конша выразил желание принять русское подданство. Он направил челобитную властям с уведомлением о переходе всего «рыцарства» на службу царю Михаилу Федоровичу: «службы наши рыцарские до маестату ваше царское милости пыльно отдаем»⁴⁶. Мотивы такого поступка исследователи усматривают в отсутствии жалованья от принца Владислава, в религиозных мотивах (сохранение православия от преследований униатов), в возможных родственных связях руководителя полка. Не исключено, что Ждан Конша принадлежал к русской династии дьяков Коншиных. Возможно, что несколько братьев Коншиных волею судеб оказались в Смутное время в среде запорожских казаков⁴⁷.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 145. — С. 198–199.

⁴¹ «А хотел де им королевич в Киеве давать гроши» (Там же. — С. 199).

⁴² Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 145. — С. 199.

⁴³ Отряды донских атаманов Степана Кругового, Игната Черного, Федора Бороды приняли участие в походе Владислава, а затем ушли вместе с Сагайдачным. (Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. — С. 198). Видимо, Степан Круговой вернулся через некоторое время. Его отряды, пришедшие в Московское царство, включали уже поляков, которые были подвергнуты в России перекрещиванию. Так, в 1624 г. на Патриаршем дворе проходил оглашение католик («веру держал римскую»), поляк, родом из Познани, Воин Кокритцкий (в крещении ставший Игнатием). Он сообщил, что «выехал с отоманом съ Степаном Круговым» (РИБ. — Т. 2. — № 166. — Стб. 638).

⁴⁴ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. — С. 198; Яворницький Д. І. Історія запорізьких козаків. — Т. 2. — С. 132.

⁴⁵ Существовал еще полковник Богдан Конша, посланец от Петра Сагайдачного к принцу Владиславу для переговоров осенью 1618 г. об условиях вступления Войска Запорожского в московскую военную кампанию (Крохмалюк Ю. Военный шлях Сагайдачного на Москву 1618 г. — Львів, 1636. — С. 15). Возможно, он оставался в Сечи и не приходил в Россию.

⁴⁶ Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 136. — С. 189, 317.

⁴⁷ Там же. — С. 320, 329.

26 декабря 1618 г. осуществился переход. Полк Ждана Конши составлял примерно 700 человек (в Москве насчитали 611 человек): «127 генваря въ 17 день писал к государю Михаилу Федоровичу ис Колуги воивода княз Офонасеи Гагарин с товарищи, как гетман Саадачной пошел ис Колуги за рубеж, а после иво остался на государево имя полковник Ждан Конша, а с ним сотников и десятников и рядовых черкас больше 700 человек, а хто имяны и они князь Афонасеи Гагарин с товарищи прислал к государю роспись»⁴⁸. Московское правительство с готовностью ответило на челобитье и приняло бывших врагов. Государство остро нуждалось в служилых людях. Власти охотно нанимали мятежных казаков⁴⁹, однако стремились быстрее аккумулировать неспокойную массу. Устройство полка Ждана Конши рассматривалось как особо срочное и важное дело⁵⁰. Первоначально казакам было оплачено «кормовое жалованье»: «И... велѣно тѣхъ выходцев черкас пересмотреть на лицо околнчему Олексею Зюзину да дьяком Василью Яковлеву да Филипу Ларионову, а пересмотря, велено дать корм на неделю по 2 алтына на день»⁵¹. Затем власти приступили к выплате жалованья за «выход»: «да выходново десятником по 4 рубли да по сукну по доброму, а рядовым по пяти рублев человеку, то им и за сукно»⁵². Согласно ритуалу принятия подданства важными персонами, войско было на приеме у государя.

Однако правительство не доверяло казакам. Оно, не без основания, опасалось потери контроля над ними и стремилось избежать скопления запорожцев в одном месте. Полк был расформирован, а иммигранты рассредоточены по разным городам: «и послати по городом на житье»⁵³. В январе 1619 г. казаки были направлены на службу

в 18 городов (10 человек в Курмыш; по 20 человек в Касимов, Переславль-Залеский и Галич; по 25 человек — в Коломну и Пронск, по 30 человек в Рязань, Темников, Кострому, Белозерск; по 50 человек в Вологду и Ярославль, а также пограничные Щацк, Алатарь, Арзамас, Астрахань; и по 100 — в области волжского пограничья, откуда бежать было крайне сложно — Нижний Новгород и Казань). «Черкасы» были определены в стрельцы, после чего начали долгую тяжбу о повышении жалованья. Им удалось добиться изменения оклада с первоначально назначенных им двух рублей до пяти рублей⁵⁴.

Многие казаки полков Сагайдачного выходили на русскую сторону небольшими группами. Группа казаков из 50 человек перешла на русскую службу в Торопце и Нижнем Новгороде⁵⁵ и была отправлена на Ливны для «городового строения»⁵⁶. Кроме того, часть казаков попала под наказание и была сослана в дальние районы. Известно об отправленных в Сибирь 40 «выезжих запорожских черкасах», возглавляемых атаманом Михаилом Скиба (в русском варианте Михаил Скибина), записанных на службу в Томск⁵⁷, а также о 19 казаках отряда Федора Боброва и Первана Шерешня, доставленных колодниками в 1619 г. в Тобольск и определенных в пешие казаки⁵⁸.

Как отмечалось, предусмотрительно бежавшим до бунта Ждана Конши был Микита Маркушевский (не ясна его роль в организации массового перехода). Видимо, после каких-то переговоров в войсках Сагайдачного, Микита Маркушевский был отправлен в Москву в Разрядный приказ. Его жалованье за «выход» составило 6 рублей и сукно. Но вскоре встала проблема воссоединения семьи. На момент принятия русского

48 РГАДА. — Ф. 210, оп. 13, стб. 7. — Л. 285.

49 Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. — С. 30.

50 Там же. — С. 200.

51 РГАДА. — Ф. 210, оп. 13, стб. 7. — Л. 285.

52 Там же. Выплаты отразились в целом ряде документов: Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 149 — Память о выдаче жалованья; № 150 — Память о выдаче жалованья полку Ждана Конши из Разрядного приказа, Нижегородской и Костромской четвертях; № 166 — Документы о выплате кормовых денег запорожцам из войска Сагайдачного, перешедшим в Торопце и Нижнем Новгороде.

53 РГАДА. — Ф. 210, оп. 13, стб. 7. — Л. 285.

54 Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. — С. 200.

55 Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 166 — Документы о выплате кормовых денег запорожцам из войска Сагайдачного, перешедшим в Торопце и Нижнем Новгороде.

56 РГАДА. — Ф. 210, оп. 13 (Приказной стол), стб. 7. — Л. 183–191.

57 Записки Западно-Сибирского отделения русского географического общества. — Кн. 14. — Вып. 1. — Омск, 1893. — С. 8, 21.

58 Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. — С. 200; РГАДА. — Ф. 199 (Портфели Миллера), д. 541. — Л. 344–344 об.

подданства он оказался без супруги, которая бежала из казацких войск чуть ранее.

Очевидно, для полков Сагайдачного было типичным присутствие в войсках семей. Военные полки сопровождали отряды жен и детей. Различные документы указывают на значительное число «жен венчальных и невенчальных» в станицах донских и украинских казаков⁵⁹. Яркое описание полка Ждана Конши содержит документ о его принятии на службу. При устройстве казаков русские чиновники отметили наличие обозов с награбленным имуществом, в которых находились семьи: «а иные с женами и з детьми, а иные холосты. А приехали все с коши, а кошу у всякого человека по одним саням, и у женатых жены и дети сидят в тех же санех»⁶⁰. Русские приставы доносили: «черкасы приехали немногие з женами, и тое женки русские»⁶¹. Очевидно, казаки часто обзаводились спутницами в разбоях. Так, в белозерском уезде казаки донского атамана Степана Кругового, принявшего сторону Владислава, захватили жену дворянина Матвея Поливанова Ирину и его сестру Анну⁶². Выехавшие на русскую службу после окончания войны, в 1620 г. три украинских казака были женаты на русских пленницах⁶³. Еще в Путивле они «в роспросе сказали, что жены за ними за всеми русские», на допросе в Москве более подробно объяснили, что Яков Григорьев сын Безводицкий (Безволицкий) был женат на дочери карачевца сына боярского Леонтия Аннекова; Иван Власев (Власов) — на дочери путивльца сына боярского Василья Старухина; Федор Игнатов — на дочери путивльца сына бояр-

ского Василья Кривоноса. Причем к этому времени семьи каждого включали детей: у Якова Безводицкого были сын и дочь, у Федора Игнатова — дочь, у Ивана Власова — сын⁶⁴. Русская жена, Акулина, была и у «белорусца-черкашенина» Тимофея Трофимова, на которой он женился, как и Микита Маркушевский, в Речи Посполитой. Но в данном случае — в Переяславе, где «венчал Никольской поп Андрей»⁶⁵.

Помимо казаков, практика умыкать супруг была свойственна на территории России и польским шляхтичам. Среди польских иммигрантов, выходцев из войск Владислава, многие имели жен — русских пленниц времен Смуты. Например, шляхтич Краковского повета, Лукьян Огинский, участвовавший в приступах Москвы, а затем находившийся в войсках принца под Деулиным, был женат на Марии, взятой «в полон в Белозерском уезде». Она была «белозерца сына боярского Дмитриева дочь Опарина»⁶⁶. Характерно, что Мария сопоставлена в документе по знатности с Анастасией Плещеевой — женой Маркушевского — «боярынею же». Обзавелся семьей в России во время войны и шляхтич Львовского повета, Иван Дубровский (в крещении Павел). В войске Владислава он служил в «Кишкином полку, роте пана Глушанского». Иван Дубровский перешел на русскую сторону из польских отрядов, расположенных под селом Рогачево, через восемь дней после подписания Деулинского перемирия, 9 декабря 1618 г.⁶⁷ Иван Дубровский свою русскую жену Анну так же «взял в Московское разоренье»⁶⁸. На пример выплат супруге

⁵⁹ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. — С. 133.

⁶⁰ Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 145. — С. 198.

⁶¹ Там же. — № 145. — С. 198.

⁶² Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. — С. 197. Эту особенность отмечали и сторонники поляков. В 1609 г. назначенный Лжедмитрием II суздальский воевода Федор Плещеев в отписке Яну Петру Сапеге извещал о «позоре великом от литовских пахолков и казаков», которые «стоячи в Суздале» «воруют» и «женок и девок емлют» (Тушинский вор... — С. 365, АИ. — Т. 2. — № 195. — С. 225–226; Тюменцев И. О. Смута в России начала XVII столетия... — С. 352). В другой отписке Федор Плещеев повторил: «лигва и казаки твоих таборов и Лисовского загонные люди разорили людшпок наших и крестьян и жонок и девок и робят емлют и отвозят в таборь» (РИБ. — Т. 2, № 171, стб. 697; Тюменцев И. О. Смута в России начала XVII столетия... — С. 356). Гетман князь Роман Рожинский сообщал Сигизмунду III, что в Зубцовском уезде «запорожцы грабят и убивают братьев (зубцовских уездных людей) и жен их отбирают» (Тушинский вор... — С. 367). В челобитной 1619 калужского духовенства и посацких людей «пришли безвестно литовские люди черкасы под Колугу и острог взяли... и людшпек многих побили, а жон и детей многих в полон поимали» (Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 170. — С. 240).

⁶³ Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 188. — С. 258.

⁶⁴ РГАДА. — Ф. 210, оп. 13 (Приказной стол), стб. 4. — Л. 692 об.

⁶⁵ РИБ. — Т. 2, № 166, стб. 638.

⁶⁶ РГАДА. — Ф. 210, оп. 13 (Приказной стол), стб. 7. — Л. 380.

⁶⁷ В Москве он, очевидно, оповестив власти о шляхетском происхождении, был приписан к Панскому приказу, получил за выезд 8 рублей и сукно, отнесен ко второй категории, оклад 15 рублей. Оглашение он проходил в Троице-Сергиевом монастыре, плата за крещение составила 5 рублей и сукно.

⁶⁸ РГАДА. — Ф. 210, оп. 13 (Приказной стол), стб. 7. — Л. 116.

Дубровского «выходного» жалованья в ходе следствия ссылался Маркушевский. В списках «черкас» полка Ждана Конши, в сотне Романа Крымовского указан Ян Дубровский⁶⁹, который в русской транскрипции мог бы называться и Иваном. Следует помнить, что Маркушевский называет Дубровского «черкашенином», который, очевидно, вышел с полком Ждана Конши из Калуги, а не из Рогачева, поэтому не ясно, об одном ли человеке идет речь.

Кроме того, Микита Маркушевский указал на «черкашенина» Пашковского, видимо, также женатого на русской пленнице. В документах с такой фамилией запорожской старшинской семье, известно по крайней мере три человека: казак Станислав Пашковский⁷⁰, входивший в полк Ждана Конши; лубенец Михаил Пашковский⁷¹ — находившийся в тюрьме плененный казак; а так же крещенный в России «поляк» Григорий Пашковский (не исключено, что Григорий является его крестильным именем)⁷². Последний был отнесен подъячими к третьей, самой последней категории, его жалованье составляло 6 рублей. За крещение он получил 5 рублей и сукно.

Складывается ощущение, что русские жены виделись для бывших захватчиков своеобразным гарантом ассимиляции. Можно предположить, что переходили на русскую сторону, то есть на родину супруги, в первую очередь те, кто был женат на русских пленницах. Наемники почти всегда захватывали в поход семью, быть может, на случай, если боевые действия окажутся неудачными для армии, в которой они на тот момент находились. (Видимо, перебежчиками, в целом, чаще становились люди, связанные различными родственными отношениями с Россией, как, возможно, Ждан Конша).

Микита Маркушевский мог рассчитывать на знатность супруги при вхождении в русское общество. Не исключено, что он выслал жену вперед к родственникам для подготовки перехода. Однако расчет на помощь родных супруги, если таковой и был, оказался явно неудачным. Казак не был принят семьей жены, его не хотели видеть в качестве родственника.

Тогда он возбудил процесс. Будучи, в отличие от большинства иммигрантов, разлу-

ченным с семьей, он начал следствие и потребовал вернуть жену, а, кроме того, оплатить ей жалованье за «полонное терпение».

Он указал, что в браке было двое детей. Очевидно, первый ребенок, рожденный в Речи Посполитой, умер в пути, в условиях трудностей военного похода. О нем русские документы ничего не сообщают. При этом следствие, которое тянулось почти год — до 15 ноября 1619 г., завершается ссылкой на младенца Ивана, видимо, рожденного в России в доме Леонтия Плещеева. На момент оплаты жалованья ему было 10 недель.

Как уже отмечалось, Анастасия скрывалась в доме у оставшегося в живых члена влиятельной семьи: брата Леонтия Плещеева. Не ясно, смогла ли она убежать к родным от ненавистного брака-плена и супруг преследовал ее или же была преднамеренно отправлена мужем перед задуманным побегом. Микита объяснял, что пустил супругу вперед, упредив о своем скором появлении: «а как он Микитка пошел с черкасы на Русь и еѣ взял с собою. И будучи под Москвою жену свою Настасью отпустил наперед себя и приказал с нею, что он Микитка будет за нею». Леонтий Плещеев утверждал, что сестра 29 сентября пришла к Тверским воротам, где ее подобрали стрельцы и привели к нему. Как отмечалось, через два дня после появления Анастасии в доме брата, 1 ноября принял русское подданство и Микита Маркушевский. Через 5 дней, 6 ноября 1618 г. он составил первую челобитную о возвращении жены.

Плещеев категорически отказался выдавать сестру и ребенка. Возник спор. Можно усмотреть целое сплетение различных причин поступка Леонтия Плещеева. Не исключено, что до момента появления сестры в доме, он не имел никаких сведений о ее судьбе после нападения в поместье под Новгородом. Но, помимо радости обретения сестры живой после восьми лет неизвестности и жалости к ней, действия Леонтия Плещеева, вероятно, мотивировались крайне унижительной для него ситуацией. Наличие в числе ближайших родственников безродного «черкашенина», быть может, могло отрицательно сказаться на местнических спорах. Следует помнить, что Микита Маркушевский был и убийцей его брата. И этот

⁶⁹ Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 146. — С. 211.

⁷⁰ Там же. — С. 206.

⁷¹ Там же. — № 155. — С. 226.

⁷² РГАДА. — Ф. 210, оп. 13, стб. 7. — Л. 446.

случай был далеко не единственным. Примеры жертв казацких погромов среди русского дворянства приводились выше. В целом, казацкие восстания времен Смуты нанесли огромный урон дворянству, гражданская война привела к уменьшению численности сословия на 20 %⁷³. Безусловно, характерной чертой сознания дворян после Смутного времени были ненависть и ужас перед казаками. Они могли проявляться в различных действиях. Так, представитель другой ветви дворян Плещеевых, Матвей Иванович, бывший боярином в лагере Лжедмитрия II, затем примкнувший к войскам Первого ополчения, в 1611 г. отдал приказ арестовать и утопить («посадить в реку») 28 казаков-мародеров, бросившихся грабить православную святыню — Николо-Угрешский монастырь⁷⁴.

Голоса Анастасии не слышно в документе, ни один из участников спора не ссылаясь на ее желания и стремления. Можно лишь предполагать, что, получив приют у брата, она стремилась избежать участи казацкой жены, спутницы постоянных военных походов, надеялась найти спасение от пережитых ужасов⁷⁵.

Дело приобретает конфессиональный характер. Стремясь расторгнуть позорный брак и сохранить сестру в семье, Леонтий Плещеев выдвигает обвинение в смешанном браке. Он заявляет, что «сестре его Настасье за неверцомъ быти не возможно». («Неверцами», то есть иноверными, в русских публицистических, канонических, делопроизводственных текстах того времени назывались, помимо мусульман и иудеев, католики, протестанты, униаты). Назвав Микиту «неверцем», Леонтий Плещеев преследовал цель расторжения брака. Он прибег к способу дискредитации вероисповедания казака как к средству аннулирования союза. Согласно русскому церковному праву этого периода, смешанные браки были категорически запрещены, брак с инославным и иноверным считался недействительным. Доказав, что

«черкашенин» не православный, Леонтий Плещеев мог оставить сестру и считать ее безвинно пострадавшей пленницей, жертвой казацких бесчинств.

Можно предположить, что Леонтий Плещеев был не одинок в своих воззрениях и выражал ходившие в русском обществе суждения о вероисповедании «черкас». Но прозвучал этот тезис впервые.

Дело об «иноверии» «черкашенина» было передано на рассмотрение духовному владыке. Оно было направлено из Разрядного приказа местоблюстителю патриаршего престола крутицкому митрополиту Ионе. Последний замещал московскую кафедру до возвращения из польского плена отца царя Михаила Федоровича, ростовского митрополита Филарета. Принципиально важно, что глава русской церкви разделил точку зрения Леонтия Плещеева в оценке вероисповедания Микиты Маркушевского. Он также признал Микиту «иноверцем» (или, по крайней мере, «полуверцем», то есть отступившим от православия, но не отпавшим). Митрополит Иона нашел, что вероисповедание «черкашенина» не равно русскому православию и, как явствует из Постановлений собора 1620 г., миропомазал его⁷⁶.

Однако конечное решение духовного владыки оказалось не в пользу Леонтия Плещеева. После прохождения второго чина казак был принят в русскую церковь, стал русским православным, а его брак, следовательно, оказался законным. Митрополит Иона принял постановление о сохранении семьи и о возвращении Миките Маркушевскому супруги. Возможно, глава русской церкви предпочел таким образом разрешить последствия Смуты и не расторгать появившихся в ходе войны неравных браков. Не исключено, что иное заключение повлекло бы лавину следственных дел и аннулированных союзов. В результате безродный «вор» выиграл дело у представителя известного дворянского клана. Власти потребовали у Леонтия Плещеева выдачи сестры. Анаста-

⁷³ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. — С. 45.

⁷⁴ Там же. — С. 40.

⁷⁵ В полном противоречии с подобной реконструкцией находится фольклорный рассказ «Свадебный камень», бытовавший в устной традиции Заонежья. В нем воссоздается аналогичная ситуация Смутного времени: главарь шайки «поляков» похищает девушку «из семьи Абрамовых». Жителям деревни удается поймать грабителей, которых они приговаривают к смерти. В Сказании главному герою придана роль благородного разбойника. Когда решалась его участь, он стоял «молча, о пощаде не просил, опутив глаза и обняв жену» (которая к этому моменту ждала ребенка). Но «девушка выступила и спросила, куда же ей теперь деться и как она будет жить дальше с безотцовым дитем». Причем в этом рассказе «и родители ее стали просить не убивать». Историческое предание заканчивается благополучно: чету обвенчали по православному обычаю, их «внук, Ржаковский, стал потом священником в Сенной Губе», а «потомки этой семьи и сейчас живут в Заонежье» (Тупшинский вор... — С. 443–444).

⁷⁶ РГБ. — Собр. Троице-Сергиева монастыря, № 741. — Л. 97.

сию и ребенка отобрали и передали супругу. Она получила жалованье за «полонное терпение» 2 рубля, соответствующее рядовым пленникам⁷⁷.

Вероятно, для Леонтия Плещеева подобное завершение дела было крайне унижительным. Безусловно, он был недоволен определением митрополита Ионы, возможно, как и другие представители дворянства. Следствие над Микитой Маркушевским создало прецедент разрешения конфликтных ситуаций, крайне нежелательный для дворянского сословия. Возможно, действия митрополита затронули интересы многих дворянских и боярских группировок, пострадавших от казачьих разбоев, настроив их против Ионы. Последующая судьба местоблюстителя, действительно, сложилась печально.

В период следствия в Москву торжественно вступил ожидаемый «нареченный патриарх»⁷⁸. В соответствии с Деулинским договором, произошла размена и из Речи Посполитой был отпущен главный пленник — митрополит Филарет. В Москве он был избран на московскую кафедру Освященным собором и рукоположен иерусалимским патриархом Феофаном.

Не ясно, сумел ли Леонтий Плещеев организовать скрытое давление. Безусловно, он попытался скомпрометировать Иону в глазах нового главы русской церкви. Наиболее вероятно, Леонтий Плещеев был лично знаком по Тушинскому лагерю с «нареченным» патриархом, которому, после восшествия на престол, очевидно, пожаловался на бывшего местоблюстителя.

Через несколько месяцев после интронизации патриарх Филарет начал следствие над Ионой, для чего был созван Освященный собор. Приговоры собора 1620 г. известны по рукописному (РГБ, собр. Троице-Сергиева мон., № 741) и печатному (Требник 1639 г.)⁷⁹ вариантах. Рукописный текст донес более пространную редакцию протоколов собора. И в них сохранилось имя Микиты Маркушевского. Очевидно, Филарет еще до собора был осведомлен о деле казака:

«Аз то ведаю и сам, что Маркушевского ты велел миром помазати...»⁸⁰, — обратился он к Ионе.

Собор начался с обвинений о миропомазании Ионой двух поляков (очевидно, также выходцев из войск Владислава, но, вероятно, католиков или протестантов). В 1619 г. на местоблюстителя поступил донос от двух священников Успенского собора Московского Кремля, Ивана и Евфимия, в котором сообщалось, что митрополит запретил перекрещивать двух поляков, Яна Слободского и Матфея Свентицкого, и допустил западных христиан к причастию после миропомазания. Патриарх Филарет начал допросы. Дело Маркушевского не было инкриминировано бывшему местоблюстителю, однако, как отмечалось, имя казака упоминалось при обсуждении вопроса о каноничности миропомазания «обливанцев».

Местоблюститель, обвиненный в еретичестве за применение второго чина, вспомнил о деле казака, пытаясь оправдаться. На вопрос о количестве миропомазанных иностранцев он ответил: «Был де у меня един иноземец, Микита, зовомый Муркушевский. И сказался мне белорусец. Аз же повелех его миром помазывать». Бичующий Филарет отпарировал: «Но тои сказался белорусцем»⁸¹.

Главное, что патриарх Филарет не усмотрел вины в действиях Ионы по отношению к Миките Маркушевскому. Он согласился с «иноверием» Микиты — с миропомазанием «белорусца», не назвав это нарушением канона (но категорически выступил против миропомазания поляков). Наиболее вероятно, Микита Маркушевский не был перекрещен заново, в отличие от миропомазанных Ионой поляков, к которым патриарх Филарет применил первый чин.

Важно отметить, что споры о вероисповедании Микиты Маркушевского на соборе 1621 г. завершились оформлением закона — знаменитого «Указа како изыскивати и о самех белорусцах». Таким образом, патриарх Филарет не только признал действия Ионы по отношению к Миките право-

77 РГАДА. — Ф. 210 (Разрядный Приказ), оп. 13 (Приказной стол), стб. 7. — Л. 279, 382.

78 Титул «нареченного патриарха» Филарет получил от Лжедмитрия II в Тушинском лагере.

79 Бульчев А. А. О публикации постановлений церковного собора 1620 г. в мирском и иноческом «Требниках» (М., 1639) // Герменевтика древнерусской литературы. Сбр., 2. — М., 1989. — С. 35–62.

80 РГБ. — Собр. Троице-Сергиева монастыря, № 741. — Л. 97.

81 Полная цитата звучит следующим образом: Митрополит Иона: «Был де у меня един иноземец, Микита, зовомый Муркушевский. И сказался мне белорусец. Аз же повелех его миром помазывать» — Филарет: «Аз то ведаю и сам, что Маркушевского ты же велел миром помазати. Но тои сказался белорусцем» (далее — упрек о поляках) (РГБ. — Собр. Троице-Сергиева монастыря, № 741. — Л. 97.) Характерно, что термины «белорусец» — «черкашенин» совмещались и были взаимозаменяемы.

мерными, но и канонически закрепил способности вступления украинцев и белорусов в русскую церковь при принятии подданства. «Указ» распространялся на представителей киевской православной и униатской митрополий.

Указ подробно оговаривал, как допускать в русскую церковь украинцев и белорусов: после крещения, миропомазания или же покаяния. Представление о чистоте веры в первую очередь базировалось на характере крещения⁸². Обливательный способ крещения был признан недействительным. При этом иммигранты, крещенные униатским священником (вне зависимости от обливания или погружения) подвергались в России повторному крещению⁸³ с анафематствованием католичеству⁸⁴. Православные, вступившие в церковь через обливание (но с миро- и маслопомазанием), проходили крещение⁸⁵. Крещение распространялось и на тех, кто пытался уйти от ответа ссылками на незнание способа крещения. Они попадали под древнее правило крещения «неведующих»⁸⁶. Крещенные в православной церкви в три погружения, но без использования миропомазания, присоединялись к московской церкви через второй чин⁸⁷. Был введен еще один критерий благочестивости — причащение. Человек, хотя бы раз получивший причастие в униатской церкви (что было равносильно сакраменту в костеле), воспринимался католиком (или униатом, которые в России виделись тождественными) и должен был быть крещен в русской церкви⁸⁸. Таким образом, любые контакты с униатским духовенством карались, а получение таинств грозило повторным крещением. Постоянным был вопрос о том, за кого молит Бога священник (за римского папу или константинопольского патриарха), у которого принимал таинства иммигрант⁸⁹. Следует

отметить, что для истинно православных украинцев и белорусов предполагалось покаяние⁹⁰.

В целом, «Указ» подытожил сложившиеся после Брестской унии и в ходе гражданской войны представления о вероисповедании киевских единоверцев и бывших единоверцев. Он впервые сформулировал каноническое право в отношении представителей киевского православия и униатов. Безусловно, что «Указ» отражает боязнь проникновения членов киевской униатской митрополии в русскую церковь. Но не только эти опасения вызвали появление «Указа». Важнейшим «грехом» был признан обливательный способ крещения, свойственный церковной практике киевского православия. «Указ» был явно рассчитан на «черкас», не случайно в оглавлении рукописного Постановления собора 1620 г., — РГБ, собр. Троице-Сергиева мон., № 741, он и чиноприемы для представителей западного христианства озаглавлены как «О крещении латын и черкас».

«Белорусцев» и «черкас» объединяли в России с «латинниками» и их, действительно, крестили. «Указ» не был декларацией, его чиноприятия сохраняли каноническую силу на протяжении всей первой половины XVII в.

Введенное патриархом Филаретом церковное законодательство было реализовано, в частности, на казаках полка Ждана Конши и других подразделениях войска Петра Сагайдачного. Часть иммигрантов была крещена почти сразу после принятия подданства. Другие были «очищены» чуть позже.

Как отмечалось, большинство казаков из войска Петра Сагайдачного было рассредоточено по провинциальным городам. Но на этом ассимиляция не закончилась. Вероятно, с течением времени продолжали вы-

82 В католической традиции применялось окрошение, но при этом два таинства: крещение и миропомазание были разведены во времени. Миропомазание относилось к моменту конфирмации. В православной традиции было распространено трехкратное погружение, завершающееся миро- и маслопомазанием.

83 «А которые бѣлорусецъ скажетъ о себѣ, яко крещень онъ в христіанскую веру, и тотъ поць в Божественной литургіи въ приношении и во октєнияхъ в первыхъ поминаетъ римского папу, да и во всякомъ пѣнни во октєнияхъ и в литіяхъ молить Бога за папу, и такового подобаетъ совершенно креститъ в три погружєни и миромъ и масломъ помазывать» (Требник. — Л. 429).

84 «Да и латынскую ему ересь и папѣжєвъ римскихъ еретиковъ проклинати» (Требник. — Л. 429).

85 «и которые иноземцы, егда бьютъ челомъ о крещєнии в православную христіанскую веру, и в роспросе про себя сами скажутъ, яко они прежде сего в своей землє крещєны в христіанскую веру греческаго закона, а в крещєнии у нихъ обливають, а не в три погружєния крестятъ, а миромъ и масломъ помазуютъ И такихъ подобаетъ совершенно крестити в три погружєния» (Требникъ Мирской. — М., 1639. — Л. 429–430).

86 Требникъ Мирской. — М., 1639. — Л. 429 об.

87 Там же. — Л. 430.

88 Там же.

89 Там же.

90 Там же. — Л. 430 об.

являться какие-то церковные отступления. В 1620 г. были приняты в православие первым чином казаки отряда, перешедшего на русскую сторону на Торопце. Как известно, отряд был распределен в Ливны, откуда, видимо, казаки были доставлены в Москву на Патриарший двор. В апреле 1620 г. был крещен конный казак Петр Лаврентьев⁹¹, зачисленный в Панский приказ с окладом 5 рублей и отнесенный к четвертой категории. Он проходил оглашение в Троице-Сергиевом монастыре. За крещение Петру Лаврентьеву было определено 3 рубля и сукно⁹². Тогда же были крещены конный казак Василий Парфеньев⁹³ и пеший казак Фома Иванов⁹⁴. Оба они были отнесены к пятой категории, имели оклад в 5 рублей, и получили за крещение по 2 рубля и сукну⁹⁵. В 1620 г. был крещен казак полка Ждана Конши, входивший в сотню Саввы Черняты, — Иван Лукьянов⁹⁶. На Патриарший двор он был отправлен из Панского приказа, где еще не был верстан. Плата за крещение составила 3 рубля и сукно⁹⁷.

В 1621 г. были крещены казаки полка Ждана Конши, обустроенные в Щацке. Сохранилась «роспись»⁹⁸ отправленных для крещения на Патриарший двор «иноземцев», в которой названы «черкасы Саадачного полку, которые сосланы в Щацкой на житье». Вероятно, они были присланы из Щацка в Москву для прохождения крещения. 9 декабря 1621 г. таинство было совершено над Тимофеем Кунцовым, Тимофеем Логвиновым, Иваном Федоровым⁹⁹. Все они устойчиво названы «черкасами» и при крещении у всех сохранены прежние имена.

В «росписи» указано, что Тимофей Логвинов был ведом в Панском приказе. В списке крещенных «черкас» назван и Григорий Вергун, который мог быть и «поляком», именно так один раз он назван в описи, и, кроме того, у него было изменено имя. В крещении он стал Павел¹⁰⁰. В полку Ждана Конши числился казак Григорий Вергун¹⁰¹, вероятно, это одно лицо. Быть может, каким-то его родственником был казак Якуб Вергун¹⁰², судя по имени — поляк.

В 1624 г. духовные власти еще продолжали крестить выходцев времен Смутного времени¹⁰³, но уже не из войск Петра Сагайдачного.

Не ясно, насколько массовы были проверки и крещения, коснулись ли они всех иммигрантов или распространились лишь на малую толику казаков войск Петра Сагайдачного. Безусловно, документы отрывочны. Плохая сохранность документов не позволяет говорить о масштабах «очищений». Суммируя, можно говорить, что материалы о крещении казаков после Смутного времени дошли в столбце крещений за 1619–1620 гг.: РГАДА. — Ф. 210, оп. 13 (Приказной стол), стб. 7; в «росписи» 1621 г.: РГАДА. — Ф. 210, оп. 13 (Приказной стол), стб. 2514; в памятях о плате за крещение с Казенного двора. Очевидно, известные в настоящее время документы зафиксировали не все случаи крещений этого периода. Следует учитывать, что духовные документы почти полностью отсутствуют. Записи о крещениях духовного приказа — Патриаршего двора представлены лишь небольшим

91 Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 166. — С. 236.

92 РГАДА. — Ф. 210, оп. 13, стб. 7. — Л. 407, 426, 444, 461.

93 Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 166. — С. 236.

94 Там же.

95 РГАДА. — Ф. 210, оп. 13, стб. 7. — Л. 448.

96 Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 146. — С. 211.

97 РГАДА. — Ф. 210, оп. 13, стб. 7. — Л. 564, 581.

98 «Роспись иноземцам, которые взяты на двор к патриарху Филарету Никитичу под начало для крещения православных веры» (сообщил А. Н. Зерцалов) // ЧОИДР. — 1894. — Кн. 3. — Смесь. — С. 33–35. Текст опубликован по документу РГАДА. — Ф. 210, оп. 13 (Приказной стол), стб. 2514. — Л. 17–26. (Можно отметить, что деньги в оплату за крещение были получены из Костромской чети).

99 Определить, кто был этот человек, почти невозможно. Слово сочетание «Иван Федоров» встречается слишком часто. Иваном Федоровым был казак десятни Кочула (Документи російських архівів з історії України. — № 146. — С. 206); десятни Ерофея Васильева (№ 146. — С. 207); десятни Гаврила Остапова (№ 146. — С. 210); десятни Семена Ермоленка (№ 146. — С. 210); десятни Леонтия Павлова (№ 146. — С. 211); сотни Томашевы (№ 146. — С. 206); а также пленник, родом «з Дымеря» (№ 155. — С. 226).

100 «Роспись иноземцам, которые взяты на двор к патриарху Филарету Никитичу под начало для крещения православных веры» (сообщил А. Н. Зерцалов) // ЧОИДР. — 1894. — Кн. 3. — Смесь. — С. 33–35. Можно упомянуть, что позже существовал казак — самозванец Иван Вергун.

101 Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 146. — С. 211. Кроме того, известен десятник Григорий Варгунов (Там же. — С. 205, 213).

102 Там же. — С. 206.

103 РИБ. — Т. 2. — № 166.

фрагментом за 1624 г. в рукописной копии того же периода¹⁰⁴.

Несмотря на то, что остается открытым вопрос о количестве крещенных из перешедших на русскую службу казаков войска Петра Сагайдачного, бесспорен факт крещений. Но за что крестили казаков в России?

Казацкое войско отражало поликонфессиональную ситуацию Речи Посполитой и состояло, помимо православных, из мусульман, католиков, протестантов и иудеев. Это хорошо видно на примере полка Ждана Конши. В него входили представители различных этносов Речи Посполитой, а также сопредельных государств. В списках выехавших встречаются пометы-прозвища: «татарин, турчя, цысареня, немчин, волошенин, венгренья, лях». Эта смешанность, социальная и конфессиональная непроявленность являлись характерной чертой полка Ждана Конши, шире — казаков-участников Смуты¹⁰⁵ и, в целом, казацкого сословия Речи Посполитой. Проверки на Патриаршем дворе лишь отражали внутреннюю ситуацию казацкого общества. Они стали своеобразным социальным слепком, сделанным в России.

Можно отметить, что при интеграции в русское общество в полку Ждана Конши оказалось значительно больше «поляков», и, соответственно, неправославных, чем при принятии подданства. Термин «поляк» означал в России в первую очередь вероисповедание и соответствовал не столько этнической, сколько конфессиональной принадлежности. Дефиниция «поляк» подразумевала обязательную принадлежность к западному христианству. Православный маркировался словом «белорусец». Униат мог называться и «поляком» и «белорусцем».

Быть может, при принятии подданства, рассчитывая на быстрое проникновение в Московское государство и на определенные льготы в качестве единоверцев, или же просто при отсутствии времени на выяснения подавляющее большинство иммигрантов записалось в «черкасы». Впоследствии при

обустройстве, когда и «черкас» начали крестить, многие стали проситься перейти в категорию «поляков». Это движение фиксировало признание действительной этнической принадлежности, выясненное неправославие, указание на принадлежность к шляхетскому сословию. Все сохранившиеся случаи перехода в категорию «поляк» обусловлены стремлением повысить социальный статус: шляхтич получал при вхождении в русское общество значительно больше, чем не родовитый «черкашенин».

В целом, в полку Ждана Конши оказалось немало «поляков» (и, соответственно, западных христиан), первоначально названных «черкасами». По достижении Москвы начался поток реоформлений и пересмотра социального статуса. Помимо указанных выше примеров можно назвать дело Мартына Ивашевского¹⁰⁶, внесенного в списки «черкас», но затем, подробно объяснившим, что он являлся поляком, шляхтичем Новгородского повета, «лисовчиком», приставшим позже к отрядам Сагайдачного в момент отхода к Калуге.

Другим примером может служить случай с «черкашенином» Богданом Петровым, еще одним выходцем из калужского лагеря Сагайдачного: «в 1619 генваря в 17 день прислан с Калуги выходец, которой остался от Саадачного». Вскоре после принятия подданства, очевидно, обнаружили его конфессиональные «отступления» и он, как «черкашенин», составил челобитную о крещении. Получив согласие, Богдан Петров был направлен на оглашение на Кирилловское подворье. Плата «для крещения» была определена в 2 рубля и сукно. К моменту окончания оглашения («шестая неделя пошла») новообращенный опротестовал сумму, и попросил поставить себя в ряд «поляков-иноземцев», получающих «однорядку, штаны, рубашку и порты и сапоги». Богдан Петров был крещен в среду 28 июля 1619 г. Крестильное имя дано было ему Давид¹⁰⁷. Уже как «поляк» он получил за крещение 4 рубля и сукно. Возможно, Богдан Петров

¹⁰⁴Изд.: РИБ. — Т. 2. — № 166.

¹⁰⁵Можно вспомнить, что одного из главных участников Смуты, И. М. Заруцкого, преследовавший его князь И. Н. Одоевский называл «черкашенином люторской веры» (Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. — С. 71). В данном случае, очевидно, имелось в виду не протестантское вероисповедание, а обвинения в католичестве или униатстве. Для документов Смутного времени характерно соединение в один нечестивый образ католичества, протестантизма и униатства (Опарина Т. А. Представление о христианине другой конфессии в России первой половины XVII в. // Древняя Русь и Запад. — М., 1996. — С. 160–166). Причем не только конфессия, но и происхождение (поляк-шляхтич или же казак) Ивана Заруцкого до сих пор не выяснены исследователями.

¹⁰⁶РГАДА. — Ф. 210, оп. 13, стб. 7. — Л. 465.

¹⁰⁷РГАДА. — Ф. 210, оп. 13, стб. 7. — Л. 252, 254, 368.

принадлежал к мелким шляхтичам, наиболее вероятно, уже не православным. Скорее всего, он являлся униатом или же католиком, из-за чего русские чиновники и согласились на наименование его «поляком».

Подтверждением такого предположения является чуть более поздний пример крещения Ерофея Семенова сына Слатковского¹⁰⁸, перешедшего на русскую сторону «в Московское разоренье». Еще в 1612 г. он вышел в Старицу к князю Михаилу Конаеву (стольнику, крещенному татарскому мурзе Михаилу Кинбаеву Конай-Мурзину), от которого был направлен к сформированному в Ярославле правительству Дмитрия Михайловича Пожарского. Очевидно, он был принят на службу, о которой не сохранилось свидетельств. Но известно, что он был взят на Патриарший двор 23 мая 1624 г. После крещения он получил имя Еремей. Перед оглашением, для определения чиноприема, он подробно рассказал о вероисповедании своей семьи, живущей подо Львовом. Очевидно, она представляла собой пример конвертитов. В его изложении, отец, первоначально являлся православным: «держал веру рускую греческую», затем стал католиком, или, что наиболее вероятно — униатом: «и отец его крестился по римской вере». Ерофей Слатковский придерживался вероисповедания отца: «и он веру держал римскую, у ксенжа бывал и секрамент бирал». Однако в России он легко вернулся к прежнему вероисповеданию: «своею де охотою учал держать веру рускую». По его словам, он стал исполнять православную обрядность, с которой был хорошо знаком: «по середам и по пятницам и в великие посты мяса не едал», ходил в церковь и участвовал в литургии: «к церквам хаживал и церковное пение слушал и ко кресту къ благословению хаживал». Однако ему понадобилось крещение, чтобы возвращение в лоно православной церкви в русском понимании имело каноническую силу. С этим были согласны и приходские священники, допускаявшие его к литургии (не ясно о причастии), но не к исповеди: «а к исповеди его русские попы не приняли, потому что он сказался римские веры». Характерно, что Слатковский маркирован термином «поляк». Исходя из того, что его род изначально был православным, Ерофей Слатковский должен был быть

этническим украинцем. Однако его неправославие повлекло атрибуцию в России «поляком». Принятие католичества (или униатства) означало для русских чиновников ополячивание.

Еще более показательна ситуация принадлежности к западному христианству «поляка» Степана Петровича Рудницкого (в крещении Максима)¹⁰⁹, другого выходца из полка Ждана Конши. Действительно, рядовой казак Стефан Рудницкий назван в списках полка в десятке Василия Соболика¹¹⁰. Как рядовой казак он получил за «выход» 5 рублей и сукно. Вероятно, Стефан Рудницкий был поляком по этнической принадлежности, шляхтичем по происхождению, западным христианином по вероисповеданию, на момент принятия русского подданства — «черкашенином» по роду службы. Очевидно, он добровольно примкнул к казакам для перехода на русскую сторону, где, как выяснилось позже, у него находились родные. Сразу по прибытии в Москву он сумел доказать принадлежность к шляхетскому сословию и был отослан в Панской приказ. В нем еще до верстания было выяснено его «неправославие» и он был направлен для крещения на Патриарший двор («отослан в Панской приказ и в Панском приказе крещен», имеется в виду, получил плату в Панском приказе). За крещение Степану Рудницкому выдали уже как шляхтичу 10 рублей деньгами и «платье» (рубашку, порты, пояс, сапоги, кафтан, однорядку, шапку), а также крест, всего на сумму 13 рублей, 13 алтын, 2 деньги. Тем не менее, он продолжал подпадать под распределение казаков по городам. В Москве у него нашелся родственник, дядя, «рядовой иноземец» Матвей Халаим. Последний не только заступился за племянника, но и сумел организовать поддержку польского землячества и найти родовитых «знатцев», подтвердивших «отечество» Степана. Матвей Халаим направил челобитную с просьбой оставить родственника в Москве: «не велеть ссылати его с Москвы вместе с черкасы, а служить государеву службу с ним вместе». Просьба была удовлетворена, о чем оставлена помета думного дьяка Сыдавного-Васильева. После этого началось разбирательство о пересмотре жалованья за «выход» и крещение, и, главное, верстание согласно родовитости. Степан Руд-

¹⁰⁸РИБ. — Т. 2, № 166, стб. 637.

¹⁰⁹РГАДА. — Ф. 210, оп. 13 (Приказной стол), стб. 7. — Л. 208, 237, 284, 286, 288, 323, 446.

¹¹⁰Документи Російських архівів з історії України. — № 146. — С. 211.

ницкий направил челобитную на имя царя, в которой объяснял, что «крестился я, холоп твои, бес тебя, государя, как ты в походе был» и указал, что за крещение ему «дали не в версту». Степан Рудницкий оговаривал, что «он с черкасы наперед сево не служивал, а служил шляхетскую службу на четырех конех и был в полку Казановского». По его словам, первый раз попытку перейти на русскую сторону он осуществил (вероятно, памятуя о родственных связях в Москве) из польских полков в момент Деулинских переговоров: «и какь под Троицею стоял королевич, он де Степан поехал на государево имя». Однако, его «учали гонять литовские люди». Укрывшись от поляков, он «прибежал под Калугу к черкасам... к гетману Саадачному», у которого «написался с черкасы в десятскую». Далее, он вошел в полк Ждана Конши, приехав с которым в Москву, по его словам, заболел, и не смог добиться истинного положения. Для выяснения его знатности была собрана специальная комиссия из членов польского землячества, включавшая, помимо дяди, именитых поляков, достойных доверия русских чиновников. Все они подтвердили, что «отца ево в Полше знали и его Степана, ...шляхтецкой сын». Отец его Петр служил королю с имения Любельского повьту. И отца его Петра не стало годы с четыре»; а, кроме того, его прежние показания: «служил королевичу, как он пошел под Москву, на четырех конех в полку у Казановского, а с черкасы де он службы нигде не служивал». После разбирательства Степан Рудницкий был отнесен к первой категории, поверстан поместным окладом в 500 чети, денежным — 30 рублей. За крещение ему было добавлено: «дать к прежней даче камку да сукно доброе».

Но настоящим казусом является судьба шляхтича-иудея в полку Ждана Конши. Подобное сочетание принадлежит к числу абсолютных загадок: согласно законодательству Речи Посполитой, иудеи не могли принадлежать к дворянскому сословию. Тем не менее, Александр Григорьев сын Ицков (Ицку), в крещении Калина¹¹¹ из полка Ждана Конши оказался «черкашенином» по роду службы, шляхтичем по социальному положению, иудеем по вероисповеданию. Как оговаривалось при разбирательстве, его имя присутствовало «в росписи вышедших чер-

кас» полка Ждана Конши, за «выход» ему было назначено 5 рублей и сукно. Известен пеший казак Александр Григорьев, входивший в отряд, перешедший на русскую сторону на Торопце¹¹². Он так же получил за «выезд» 5 рублей. Не ясно, можно ли совместить этих двух персонажей. Из документа следует, что казак из полка Ждана Конши, не будучи еще верстан поместным и денежным окладом, был направлен на службу в Ярославль. Как и его предшественники, он опротестовал это решение и, главное, сумел доказать шляхетское происхождение. Выше было показано, что для определения принадлежности к дворянскому сословию обычно прибегали к помощи «знатцев». Вероятно, у Александра Григорьева сына Ицкова нашлись свидетели и весомые аргументы его родovitости. Изменив социальный статус, он был приписан к Панскому приказу: «бил челом государю, а сказался, что он шляхтич, с черкасы не служивал и по его челобитью отослан в Панской Приказ». Далее, документ дает уникальное свидетельство: «а что он был жидовские вьры, того не сказывал». При этом оказывается, что почти год (с «выхода» 26 декабря 1618 г. и по сентябрь 1619 г.) он служил в Панском приказе без изменения вероисповедания. Следует отметить, что, по нормам русского права, иудеи не имели права находиться на территории Московского царства. При неясных нам обстоятельствах несоответствие христианству Александра Григорьева в конечном счете было выяснено. Безусловно, обнаруженный скрытый «жидовин» был вынужден попроситься в русскую церковь: «а после того бил челом государю Филарету Никитичю, чтоб он его пожаловал, велел крестить, а он де Олександр жидовские вьры». В другой челобитной он напомнил об оставленном в Речи Посполитой имени и об отречении от «своеи жидовские веры» ради «правоистинной Христовой веры» и желания молиться Христу и Богородице. Просьба о вступлении в русскую церковь была удовлетворена, Александр был крещен, сменив имя на странное Калина (Халина). За крещение он был вознагражден как шляхтич: одарен «для крещенья платьем ценою 15 рублей и 20 алтын з деньгою». На эту сумму ему было пожаловано: «кресть серебрян золочен — 11 ал-

¹¹¹РГАДА. — Ф. 210, оп. 13, стб. 7. — Л. 272–273, 305, 306–309.

¹¹²Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 166. — С. 236, 237. См. об этом же человеке, выходе из Торопца: РГАДА. — Ф. 210, оп. 13, стб. 7. — Л. 183.

тын 2 деньги; рубашка шита золотом да порты строчены шолком — цена 1 рубль 10 алтын; кафтан кравчат рудо-жолт — ценою 4 рубли 22 алтын 5 денег; однорядка, сукно аглинское с завяски — цена 6 рублей 39 алтын 2 деньги; шапка сукно багрянец на соболех — цена 45 алтын; сапоги сафьяновые — 35 алтын». После крещения он обратился с просьбой к патриарху Филарету об аудиенции у царя: «благослови быти у царской ручки для моего иноземства и для выезда моего и для моего крещения. А я, государь и по ся мѣсто у царской руки не бывал, потому что выехал от веры жидовские и челом о том не бивал». Станным выглядит обращение к патриарху о заступничестве в столь светском вопросе, как прием у государя. Обычно, даже челобитные о крещении направлялись одновременно и царю и патриарху или даже одному царю. Не исключено, что надежда на помощь только что вернувшегося патриарха Филарета была вызвана их знакомством по Тушинскому лагерю¹¹³. В таком случае, не исключено, что именно патриарх и раскрыл его истинное вероисповедание. При любом предположении, надежды на участие патриарха в судьбе новообращенного иудея оправдались. Царь «для отца своего пожаловал» и Александр Григорьев был допущен до аудиенции, на которой ему было увеличено на 5 рублей «выходное» жалованье и подарена камка. Далее он продолжил службу в Панском приказе. Трудно сказать, был ли Александр Григорьев сторонником ереси «жидовствующих», и тогда это уникальный пример обнаружения реально существующего иудаизанта Речи Посполитой¹¹⁴, или же человеком, сумевшим каким-то образом обмануть русское делопроизводство, ложно повествуя о своем шляхетстве и имениях.

Что касается Запорожской Сечи, то там иудеи присутствовали. Пленник Игнат Петров сын Коржавин, служилый татарин, крещенный в православие еще ребенком при Борисе Годунове своим отцом, рассказал в 1624 г. на допросе на Патриаршем дворе, что был захвачен казаками во время Смуты, продан в «Запороги» иудею и «веру держал жидовскую»¹¹⁵.

Безусловно, что «черкас», оказавшихся католиками, протестантами или иудеями крестили как «иноверцев» в России. Кроме того, обязательному первому чину подлежали униаты. Вероятно, сторонники униатской церкви могли оказаться среди казаков или руководителей казаков, о чем свидетельствует пример князя Романа Рожинского.

Следует отметить, что термин «униат» отсутствовал в русском делопроизводстве на протяжении всей первой половины XVII в. Ни одного крещенного «униата» русские документы не зафиксировали. Поэтому всегда остается под вопросом реальное вероисповедание людей, принадлежавших к «римской», «папешской», «католицкой» вере. На самом деле они могли быть и униатами, или же теми, кто считал себя православным, но принял хотя бы раз таинство у униатского священника. Надо полагать, что убежденные сторонники унии, утверждающие позиции новой церкви, не стремились стать подданными Московского царства. Но люди, посещавшие храмы, отданные униатской церкви, вынужденно или в силу религиозного безразличия, в России оценивались униатами (точнее — католиками), и таковых среди иммигрантов, вероятно, было немало.

Несмотря на подобное конфессиональное многообразие вероисповеданий и социальных страт названных «черкасами» людей полка Ждана Конши, подавляющее большинство являлось казаками, и, по мнению исследователей, православными¹¹⁶. При этом их тоже могли крестить и, судя по «Указу» и делопроизводственным документам, за обливательный способ крещения. Так, в 1624 г. был крещен Тимофей Трофимов¹¹⁷, «черкашенин» по роду службы, «белорусец» по этнической принадлежности (украинец или белорус), родом «с Белой Руси с Глуска», принадлежавший к православной семье и являющийся православным: «отец и мать веру держали христианскую, а он потому ж веру держал христианскую». Он не запятнал себя нарушением обрядности и контактами с католичеством: «у ксенжа не бывал и секраменту не имывал». Однако он был крещен через окропление, как и священник, совершавший таинство венчания: «и в крещенье де у них обливают, а миром и маслом

¹¹³Можно вспомнить, что Лжедмитрия II современники неоднократно называли крещеным евреем и говорили о его еврейском окружении в Тушино. (Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия).

¹¹⁴Дмитриев М. В. Православие и Реформация. — М., 1990.

¹¹⁵РИБ. — Т. 2, № 166, стб. 646.

¹¹⁶Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — С. 321.

¹¹⁷РИБ. — Т. 2, № 166, стб. 638.

у них помазуют», «а в крещенье де тот поп обливан». Кроме того, он не мог утверждать, что священник не был униатом: «а за кого тот поп Бога молит, за папу или за патриарха цареградского, того он не ведает». В данном случае нельзя точно указать причину крещений: обливательный способ крещения или неведение вероисповедания священника. Но существующий пример бесспорного крещения лишь за обливание православного игумена, борца с унией¹¹⁸, говорит о том, что под первый чин в России попадали и те, кто искренне воспринимал себя истинно православным. Последующая русская церковная практика так же свидетельствует о крещении казаков за окропление в крещении¹¹⁹.

В целом, механизм социализации в России казаков из войска Петра Сагайдачного можно реконструировать следующим образом. В Калуге казаки были переписаны, целовали крест, получили «кормовое жалованье» и небольшими группами в сопровождении приставов доставлены в Москву. В столице они приняли присягу, тем самым оформив вступление в русское подданство, получили жалованье за «выход». Затем они были приписаны к различным приказам, по сохранившимся свидетельствам, к Панскому, возможно, часть — к Казацкому, сосланные в Сибирь — к Казанскому дворцу. В приказах им был определен оклад. Основная масса иммигрантов была распределена по городам. Но обустройство в России на этом не закончилось, начались проверки чистоты веры. Какая-то часть казаков, вероятно, небольшая, была крещена¹²⁰ в Москве. Очевидно, первоначальное крещение затронуло в первую очередь инославных, чьи церковные отступления оказались явными.

Как отмечалось, ряд «черкас» захотел остаться в столице и записался в «поляки». Безусловно, что «черкасы», попросившиеся в поляки-шляхтичи, при светском выяснении социального статуса огласили свое неправославное вероисповедание и были крещены сразу. Кроме того, были крещены или миропомазаны не «поляки», чьи «отступления» в силу каких-то причин оказались выявлены вскоре после принятия присяги, как в случае с Микитой Маркушевским, попавшим на духовное следствие.

Казаки, направленные в различные города и не подпавшие первоначально под перекрещивание, могли быть крещены и позднее. Интеграция казаков в русское общество предполагала выяснения чистоты благочестия. Очевидно, на местах, при вхождении в духовную жизнь провинциального города продолжали выявляться какие-то конфессиональные «отступления». Наиболее вероятно, не явные «прегрешения» тех, кто казался ранее православным, обнаруживались на исповеди. Исповедь в русской церковной практике XVII в. была нерегулярной и духовные власти пытались добиться обязательного ее посещения раз в году на Пасху. Таинство оказалось тем переходным моментом, который мог выявить скрытые расхождения церковной практики казаков с русскими нормами благочестия. Не ясно, как часто раскрывались «отступления» и коснулось ли «очищение» всей массы иммигрантов. Тотальность крещений зависела от настойчивости местных духовных властей. Быть может, не каждого из 611 человек духовный отец спросил о способе крещения. Но в том случае, когда нарушения русского церковного канона были обнаружены, казаков, которых, очевидно, могли

¹¹⁸Там же. — Стб. 634.

¹¹⁹Автор предполагает подготовить серию статей о крещении «черкас» и «белорусцев» в России на протяжении первой половины XVII в.

¹²⁰Можно отметить две детали. Во-первых, текст оглашения перед крещением совпадал с текстом присяги и предостерегал от возможной измены: «И за Христа моего и за православную вѣру греческаго закона и за святыя церкви и за многолѣтное здравие государя царя и великаго князя (имярек) всеа Русии радъ кровь свою приияти и пострадати до смерти. А от Московскаго государьства измѣннымъ дѣломъ не отѣхати, и ни которые порухи не учинити и измѣны. И сие мое обѣщание даю пред Богомъ и пред святыми его аглы, и пред своимъ восприемникомъ и пред всеми людьми. А буди сие, глаголю, лестно или лукавствомъ или збоиствомъ или оманною и святыя православныя христьянския вѣры греческаго закона отверѣгуся, и на первыи свой обычай, на римские и на полские и на лоторские и калвинские ереси и на злыя нравы обрапсуся, или в Московскомъ государствѣ какую поруху или измѣну учиню, и я (имярек) буди клятъ и проклятъ в нынѣшнемъ вѣде и будущемъ. И душа моя с тѣломъ буди учинѣна со дияволомъ и з бесы во адъ в муку вѣчную» (Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. — Новосибирск, 1998. — С. 342). Во-вторых, почти знаковым оказалось место крещения многих «черкас». Обычно эмигранты проходили оглашение в крупных монастырях Москвы. Однако, очевидно, в 1620 г. количество новообращенных было столь внушительно, что Патриарший двор и московские монастыри не смогли вместить всех. Часть катехуменов была направлена на шестинедельное обучение нормам православия в Троице-Сергиев монастырь. Вероятно, среди неопитов в стенах монастыря находилось немало тех, кто еще совсем недавно пытался попасть в него с помощью оружия. Бывшие захватчики оказались внутри непреступной ранее крепости-святыни, но уже в качестве оглашенных.

крестить в том же городе, власти предпочитали отправлять в Москву. Как отмечалось, были доставлены в Москву для крещения казаки из Шацка и, видимо, Ливен.

Подводя итоги, можно попытаться ответить на вопрос: за что Леонтий Плещеев назвал Микиту Маркушевского «иноверцем»?

Леонтий Плещеев, декларируя, что «черкашенин» Микита Маркушевский не православный, пытался дистанцироваться от него. Его отряду, который грабил в Новгородском уезде, он дает обобщенное название «литва». Но следует помнить, что патриарх Филарет определил этническую (и конфессиональную) принадлежность Микиты Маркушевского как «белорусца». Соответственно, он был по роду службы и, вероятно, по месту проживания (Киев?) «черкашенином»; по этнической принадлежности — «белорусцем», то есть украинцем либо белорусом. Не исключено, что Микита Маркушевский был шляхтичем. Существует село Маркушивец¹²¹. Быть может, плененный в 1608 г. «пан Маркушевский» являлся одним лицом с «черкашенином» Маркушевским. Микита Маркушевский так же ставил себя в ряд и указывал на один статус с Дубровским и Пашковским.

Но Микита Маркушевский, безусловно, не являлся сторонником западного христианства. В противном случае, он получил бы наименование «поляк» или же «литвин». Патриарх Филарет же и противопоставлял его «полякам». Поэтому случаи с обнаруженными «поляками» — «черкасами» не могут быть распространены на него и не принадлежность к католицизму или протестантизму стали причиной его бичевания «иноверцем».

Главное, что он по вероисповеданию являлся «белорусцем», то есть православным или униатом. Причем в последнем случае он мог быть не убежденным защитником унии, а проявлять религиозный индифферентизм и посещать тот храм, который оказывался наиболее близко от него в каждый конкретный момент; исповедовать то православие, то униатство. В том случае, если Микита Маркушевский принадлежал к униатской церкви или же принял хоть раз в ней таинство, обвинения Леонтия Плещеева

вполне оправданы. Униаты, без сомнения, виделись «иноверцами» в глазах русского православного.

Следует помнить, что тезис об «иноверии» был провозглашен в момент отсутствия православной церкви в Речи Посполитой. Формально в Речи Посполитой все восточные славяне были подчинены униатскому митрополиту, и, соответственно, могли рассматриваться в России униатами. Леонтий Плещеев имел основания называть членов прежней киевской митрополии неправославными. Возможно, его обвинения сводились к тезису об отсутствии веры без пастырей.

Но за время следствия над Маркушевским патриарха Филарета и составления «Указа о белорусах» произошли кардинальные изменения. В 1620 г. иерусалимский патриарх Феофан, посвятивший Филарета в патриархи, достиг Киева. Присутствие иерусалимского патриарха в Речи Посполитой использовал гетман Петр Сагайдачный. Он гарантировал святителю защиту от польских властей при нарушении законов Речи Посполитой поставлением православного митрополита. Под давлением православной шляхты и мещан и при активном участии казаков патриарх Феофан восстановил православную иерархию¹²². Он рукоположил Иова Борецкого в киевские митрополиты. Завершилось воссоздание церкви рукоположением епископов (в числе которых был и Мелетий Смотрицкий, посвященный в архиепископы Полоцка, Витебска, Мстиславля). После совершения таинств казаки сумели тайно вывезти иерусалимского патриарха за пределы польско-литовского государства. Воссоздание православной церкви послужило толчком к массовому возвращению паствы из унии в православие¹²³. Таким образом, иерусалимский патриарх положил конец нестабильности и восстановил церковные структуры московской патриархии и киевской митрополии. В Речи Посполитой главным действующим лицом оказался гетман Петр Сагайдачный, также, как и Феофан, не так давно вернувшийся из России.

Благодаря активности Петра Сагайдачного, в Речи Посполитой оказалось две церкви: униатская и православная киевские митрополии¹²⁴. Но еще довольно долго, до леги-

¹²¹Грушевський М. С. Історія України-Руси. — Т. 7. — С. 257.

¹²²Грушевський М. С. Історія України-Руси. — Т. 7. — С. 398 і д.; Власовський І. Нарис історії української православної церкви. — Т. 2. — С. 31–38; Макарий. История русской церкви. — М., 1996. — Кн. 6. — С. 400–409.

¹²³Макарий. История русской церкви. — Кн. 6.

¹²⁴Брестская уния 1596 г. — Ч. 2. — С. 158.

тимизации в 1634 г., православная церковь могла существовать лишь «крюясь под криле христолюбиваго воинства черкасских молодцов» — по выражению главы новой иерархии митрополита Иова Борецкого¹²⁵. Более того, украинские православные публицисты стали рассматривать казачество не только как единственную опору православия, но и как пример православной государственности, сохранившейся с домонгольского периода: «Это их предки вместе с Владимиром крестились, веру христианскую от Константинопольской церкви приняли и по сей день в ней рождаются, крестятся и живут. Живут не как язычники, а как христиане: имеют пресвитеров, учатся грамоте, знают Бога и закон свой... Сердцами и замыслами казацкими не управляем. Бог управляет ими, и Он только знает, на что он сохраняет эти остатки древней Руси, их десницу и силу на море и на земли долго, широко и далеко расширяет. Бог держит их и ими правит: как некто писал, что Он татар положил на земли как молнии и громы, и ими христиан навещает и карает, — так и казаков низовских, запорожских и донских, положил Он как другие молнии и громы живые на море и на земле, чтобы ими неверных турок и татар страшити и громити»¹²⁶.

По замечанию Мелетия Смотрицкого, после рукоположения Иова Борецкого Петр Сагайдачный, глубоко раскаиваясь за участие в войне против России, молил иерусалимского патриарха Феофана о прощении. В изложении «*Werificatia niewinnosci*» (Вильно, тип. Братства, 1621) гетман каялся перед святителем и просил на коленях отпущения греха убийства единоверцев. Обратился ли с этой просьбой гетман сам, или же на зримый разрыв ему было указано патриархом Феофаном, сказать невозможно. Не исключено, что религиозный конфликт в войне с Московским государством усмотрел в первую очередь автор «*Werificatia*». Как отмечалось, еще в 1610 г. Мелетий Смотрицкий предостерегал от захватов единоверцев. Безусловно, именно Мелетий Смотрицкий видел немысленность противостояния и развивал идеи славянского единства. Быть может,

именно поэтому информацию о мучительных угрозах совести гетмана за пролитую христианскую кровь сохранило лишь его произведение. Мелетий Смотрицкий зафиксировал и факт прощения за совершенные Петром Сагайдачным в России преступления. Патриарх «с облитым слезами лицом» сообщил гетману, что раскаяние за захваты в Московском государстве дает ему возможность спасения. Но окончательно грех снимут будущие подвиги войны за веру с «нечестивыми» османами, которую он должен вести в союзе с польским королем¹²⁷. Речь шла о походе в Молдавию. Можно отметить, что сам Мелетий Смотрицкий вскоре, в 1627 г., покинет православную церковь и перейдет в униатскую.

Абсолютно твердой по отношению к унии оставалась позиция Петра Сагайдачного. Недаром современники отмечали, что «для тих, що перейшли в лоно римської церкви, був він ворогом дуже завзятим і запеклим»¹²⁸. Причем гетман еще до встречи с Феофаном, в 1620 г. направил посольство к царю Михаилу Федоровичу. Причиной его действий было недовольство масштабом полученных от короля Сигизмунда III полномочий, обещанных перед московской экспедицией. В 1619 г. казаки находились на грани войны с польскими отрядами. Противостояние завершилось подписанием договоров, которые не могли быть приняты всей массой казаков. Кроме того, польское правительство категорически настаивало на прекращении казацких походов на Крымское ханство, провоцирующих войну с Османской империей¹²⁹. Вероятно, в момент обострившихся казацко-польских противоречий и пошатнувшегося собственного авторитета среди казаков, Петр Сагайдачный мог вспомнить о возможных переговорах под Москвой и Калугой. Как отмечалось, в 1618 г. в войсках Петра Сагайдачного ширилось движение перехода на русскую службу. Очевидно, существовали и призывы русских властей. Как следствие распространения подобных настроений в казацкой среде стал «выход» полка Ждана Конши. Не ясно, был сам гетман сторонником принятия русского

¹²⁵Кулиш П. А. Воссоединение Украины с Россией. — Т. 1. — С. 47.

¹²⁶Жукович П. Н. Протестация Иова Борецкого. — Т. 3. — С. 150.

¹²⁷Архив Юго-Западной России. — К., 1881. — Ч. 1. — Т. 7. — С. 340; Каманин И. Очерк гетманства Петра Сагайдачного. — К., 1901. — С. 13; Флоря Б. Н. Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение // Папуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. — М., 1982. — С. 202–203.

¹²⁸Грушевський М. С. Історія України-Руси. — Т. 7. — С. 372.

¹²⁹Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — С. 329.

подданства или он планировал продолжение захватов, но, безусловно, Московское царство он покидать не хотел. Не исключено, что в 1620 г. Петр Сагайдачный действовал в соответствии с какими-то обещаниями русских властей, данными в период подготовки и подписания Деулинского перемирия. Быть может, его обращение к московскому государю в 1620 г. было ответом на предложения русских властей в 1618 г., в период пребывания в России. Следует помнить, что гетман согласился уйти без значительных грабежей и отпустил часть пленных.

В 1620 г. Петр Сагайдачный направил в Москву генерального есаула Петра Оди́нца, который чуть ранее выполнял дипломатическую миссию — вел переговоры с польским правительством под Белой Церковью. Грамота гетмана царю Михаилу Федоровичу не сохранилась, о ее содержании можно судить по протоколам приема посольства, в которых отмечалось: «Прислали все Запорожское войско, гетман Саадачный с товарищи, бити челом государю, объявляя свою службу, что они де хотят ему, великому государю, служить головами по прежнему... А они всеми головами своими хотят служить его царскому величеству и его царские милости к себе ныне и впредь искать хотят»¹³⁰. Из текста следовало, что со ссылками на прецеденты XVI в., когда отдельные отряды запорожцев получали жалованье из Москвы, гетман предложил правительству несение службы на южных границах России, прежде всего — удары по Крымскому ханству. Как отмечалось, войско Петра Сагайдачного только что совершило победоносный поход под Перекоп, который посольством был представлен как оборона русских рубежей. Петр Оди́нец доставил в Москву двух татарских пленников — «языков». Гетман предпола-

гал получения московского жалованья за совершенные победы и за пленных, и был готов от лица Московского государства продолжить походы и далее. Ответ главы Посольского приказа думного дьяка Ивана Грамотина фокусировал внимание на моментах установления Запорожским Войском дипломатических контактов с Россией и предложения службы. Иван Грамотин характеризовал эти шаги Петра Сагайдачного крайне положительно: «делают добро, что они царские милости к себе ищут, и служить ему, государю, хотят»¹³¹. Однако, сославшись на отсутствие царя в столице, выехавшего на богомолье перед Пасхой¹³², русские власти не допустили посла Запорожского Войска на аудиенцию с Михаилом Федоровичем. Главное, что идея службы была отклонена¹³³. Очевидно, у московского правительства не было ни финансовой возможности принять на службу все войско, ни политической необходимости. Русское правительство крайне опасалось возможных конфликтов с Крымским ханством¹³⁴ и Речью Посполитой, а также безусловного отсутствия контроля за действиями казаков, стремившихся поступать по своему усмотрению. В Москве понимали, что далеко не всегда удастся повернуть активность казаков в нужное русскому правительству русло. Насколько эта сила неуправляема, московские власти увидели в периоды Смуты и военной кампании Владислава. Следует помнить, что перешедший полк Ждана Конши вследствие подобных опасений был рассредоточен.

На церемонии приема посла в Посольском приказе Петра Оди́нца одарили подарками (примерно на сумму 10 рублей)¹³⁵, а в Сечь выслали «лехкое жалованье» в 300 рублей. В ответной грамоте Петру Сагайдачному говорилось: «А вы и впредь нашему

¹³⁰Воссоединение Украины с Россией. — М., 1953. — Т. 1. — № 1. — С. 4–5; Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 177. — С. 246.

¹³¹Там же.

¹³²Воссоединение Украины с Россией. — Т. 1. — № 7. — С. 14; Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 177. — С. 248.

¹³³Флоря Б. Н. Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение. — С. 202.

¹³⁴Сразу после отъезда казацкого посольства русское правительство попыталось отгородиться от связи с Войском Запорожским в дипломатической переписке с Крымским ханством и снять с себя возможные обвинения в пособничестве казакам в нападениях. Татарских «языков» торжественно вернули в Крым (Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 180. — С. 252). В первоначальном варианте наказам послам в Крым говорилось: «тех воров черкас велели есмь воротить, не допуская до Москвы», затем эта фраза была отредактирована: «велели есмь тех воров из нашего государства выслать». Кроме того, русское правительство, заинтересованное в крымско-польской войне, стремилось доказать причастность к казацким походам правительства Речи Посполитой: «а воевали те черкасы ваши, брата нашего улусы по умышленью польских и литовских людей, и языков к нам прислали, хотя нас, великаго государя, с вами, братом нашим, тем ссорить и дружбе нашей и любви помешку учинить» (Там же. — С. 253); Также — № 182. — С. 255; № 183. — С. 255–256.

¹³⁵Воссоединение Украины с Россией. — Т. 1. — № 2. — С. 5–6; Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 177. — С. 248.

царскому величеству прямо и верне служить будете. И мы, великий государь, тебя, гетмана Петра и все войско за то похваляем, что вы нынешние государские милости к себе поискали, и службу свою к нам, великому государю оказуете, и впред нам службу свою и раденье хотите оказывати....А впред вас в нашем жалованье забвенных не учиним, смотря по вашей службе»¹³⁶. При этом представителей Войска запорожского настойчиво просили прекратить набеги на Крымское ханство: «А на крымские улусы ныне вас не посылаем, потому что крымской Джанбек Гирей царь на наши великие государства сам, царевичи и князи и мурзы войною не ходят, и людем нашим шкоты не чинят никоторые. А наши люди по тому ж крымским улусом шкоты никоторые не делают»¹³⁷.

На приеме был задан вопрос и о религиозных преследованиях. Иван Грамотин сообщил, что по доходящим слухам «на их веру [король] хочет наступить». Он уточнил «и на их веру от них [короля] посяганья нету ль?». Петр Одинец уверил, что «посяганья на них от польского короля никоторо не бывало»¹³⁸.

Петр Одинец был в соответствии с церемониалом отпущен в Речь Посполитую, но при этом путивльских воевод отчитали за то, что они, не дожидаясь царского распоряжения, беспрепятственно пропустили казацкое посольство в Москву. Им было указано, чтобы они «так не глупали» и «без нашего (гсударя) указу таких великих дел не дерзали и тое глупостью нашим делам порухи не чинили. А только впредь так учиниш делати и вам быть от нас в великой опале»¹³⁹.

Несмотря на то, что русское правительство не захотело принять предложения посольства Войска Запорожского, в Москве продолжали внимательно следить за действиями казаков. Русские власти постоянно прислушивались к вестям из Речи Посполитой о соотношении позиций православной и униатской церквей и о действиях Петра Сагайдачного. В доходившей из Речи Поспо-

литой информации Петр Сагайдачный представлял непоколебимым поборником православия, в котором нет сомнений и колебаний в пользу унии. Например, в 1622 г. были зафиксированы доставленные лазутчиками сведения о противостоянии казаков с польскими властями: «А Саадачный со всеми своими войсками стоит за Киевом по селам и посылает от себя казаков в литовские города, чтоб держаться всем христианские веры... И сказывают, что у Саадачного с литовским королем о крестьянской вере будет бои»¹⁴⁰. Как видно, характеристика гетмана в дипломатических документах далека от образа «всепгубного врага Сагайдачного» литературных текстов. Очевидно, что на Петра Сагайдачного русское правительство возлагало надежды в деле сохранения православной церкви в Речи Посполитой.

Представленные факты позволяют отметить целый ряд двойственных позиций. Защитники православия в Речи Посполитой не стали защитниками веры в России. Петр Сагайдачный, ревнитель православия в Речи Посполитой, являлся постоянным участником военных кампаний в Московское государство. Эта сторона его деятельности свидетельствует о дистанции двух ветвей православия, о признании различий между ними. Поступки гетмана в Московском государстве говорят о том, что он не ощущал страну единоверной, не воспринимал русское православие «своим». Действительно, в казацкой среде не видели греховности походов на Россию. Война в единоверной державе не взрывала сознание казака, она являлась его основным делом, а экспедиция в Россию — очередным походом. Религиозный конфликт в войне с Россией усматривал Мелетий Смотрицкий. Но после походов на точку зрения Мелетия Смотрицкого мог переходить и руководитель походов — гетман Петр Сагайдачный и отправлять в Москву посольство. Кроме того, казаки нередко декларировали свое решение о переходе в русское подданство религиозными мотивами — спасением православия от преследования унии.

¹³⁶Воссоединение Украины с Россией. — Т. 1. — № 3. — С. 6–7; Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 177. — С. 249.

¹³⁷Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 177. — С. 249.

¹³⁸Воссоединение Украины с Россией. — Т. 1. — № 1. — С. 4–5; Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 177. — С. 246.

¹³⁹Каманин И. Очерк гетманства Петра Сагайдачного. — С. 13; Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 177. — С. 245; повторы — в грамотах Крымскому хану. — Документи Російських архівів з історії України. — Т. 1. — № 180. — С. 252.

¹⁴⁰РГАДА. — Ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 13 (Приказной стол), стб. 9. — Л. 3.

Другим противоречием является соотношение идеологии и политики с реальной конфессиональной ситуацией в казацком обществе. Казаки на политическом уровне яростно отстаивали православные структуры, являлись ревнителями православия в идеологии, и проявляли религиозный индифферентизм в бытовом поведении. Воссоздание «своего» митрополита, не подчиняющегося ни Риму, ни Москве, очевидно, виделось средством достижения политической свободы. Но казацкое общество, непреклонно отстаивавшее права православной церкви, само этнически и конфессионально было крайне неоднородно. Оно состояло из множества конфессиональных групп, к которым в Сечи проявляли толерантность. Безусловно, при показачивании польские шляхтичи, иудеи или мусульмане не подвергались обращению в православие. Но и изначально православное казачество, судя по материалам крещений в России, в своей системе ценностей не отводило первостепенную роль строгому соблюдению бытовых религиозных норм. Легкость конфессиональных перемещений и служила причиной крещений казаков в России.

Кроме того, и это очень важно подчеркнуть, существовали действительные расхождения в церковной практике между киевской митрополией и московской патриархией. Воссоздание православной церкви в Речи Посполитой не сняло действенности «Указа, како изыскивати и о самех белорусцах». Обливательный способ крещения оставался на протяжении первой половины XVII в. еще одной причиной принятия в русскую церковь казаков первым чином.

Как результат подобных противоречий существовало двойственное отношение к украинским казакам в России. С ними, как с опорой православной церкви в Речи Посполитой, устанавливали дипломатические контакты (но не принимали в подданство), но иммигрантов крестили. Две православные кафедры выработали различные критерии благочестия, которые могли не совпадать. Казак в России мог оказаться «иноверцем» за конфессиональную мобильность (принадлежность к «желнерской вере»), за посещение униатского храма, за вхождение в православную церковь через обряд окропления. В последнем случае дистанцию между кафедрами определил способ крещения.